

А. А. Чупров

**Письма К. Н. Гулькевичу
1919 – 1921
Берлин, 2009**

**Публикация О. Б. Шейнина при участии К. Виттиха
Примечания Г. Кратца, К. Виттиха, О. Б. Шейнина**

Предисловие

Мы публикуем письма А. А. Чупрова К. Н. Гулькевичу 1919 – 1921 гг., оригиналы которых хранятся в библиотеке нью-йоркского Колумбийского университета, в Архиве Бахметева российской и восточно-европейской истории и культуры (Бумаги Константина Гулькевича, Коробка № 1), и мы благодарны Профессору Ричарду Уортмену, Председателю Бахметевского комитета, за разрешение опубликовать их. Мы также благодарны Татьяне Чеботарев(ой), сотруднице указанного Архива, за копирование и пересылку писем Чупрова и фотографию Гулькевича, см. ниже. Вот сведения о Бахметеве, которые мы извлекли из *Энци. зарубежной России* в Интернете, см. предварительное пояснение к Примечаниям.

Борис Александрович Бахметев (1880 – 1951 г.) окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, некоторое время учился в Цюрихском политехническом институте, стал профессором Петербургского политехнического института. Был послан в США Временным правительством как товарищ министра торговли и промышленности, затем остался там как посол. Вышел в отставку в 1922 г. (!) и стал профессором Колумбийского университета. Позже (как сообщила Т. Чеботарев(а)) он основал Фонд гуманности, помогал нуждающимся российским эмигрантам и был со-основателем университетского Российского архива, который в 1973 г. назвали его именем. См. также Руднев (1935), а более подробно о его жизни и активной дипломатической деятельности см. Будницкий (2000; 2001).

Нам приятно указать, что о местонахождении писем Чупрова нам сообщил доктор Клаус Виттих (Женева). Он и Готфрид Кратц (Мюнстер) прокомментировали многие письма, обнаружили несколько наших ошибок, указали дополнительные источники. Наконец, последний смог разузнать, что часть писем Чупрова хранится в Москве. Можно понять, что без их помощи это собрание писем оказалось бы малопригодным.

Московские письма (360 листов) подготавливаются к общему совместному изданию участниками данной работы, – Г. Кратцем, К. Виттихом и О. Б. Шейниным.

Заметим, что в одной книге (Schlögel 1999, p. 140) сказано, что в 1923 г. Чупров присутствовал на открытии Русского научного института в Берлине. Впрочем, Гессен (1979, с. 80 – 84) весьма нелестно отозвался об этом учреждении, которое первые несколько лет было только учебным (юридическим), притом никак не соответствующим европейским требованиям. Затем, однако, этот Институт начал изучать “новую русскую действительность” (с. 82).

В его работе, по крайней мере в последний год своей жизни (1931), принимал участие В. И. Борткевич (Борткевич, Чупров 2005, с. 10 – 11).

Константин Николаевич Гулькевич (1865 – 1935) был видным российским дипломатом (в том числе директором департамента Министерства иностранных дел), невозвращенцем и помощником (точнее, неофициальным советником) известного ученого, почетного члена Петербургской академии наук и Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев (в 1921 – 1924 гг. – только из России) Ф. Нансена. С 1924 г. Гулькевич был

Константин Николаевич
Гулькевич (1865 – 1935)

представителем Парижского Совета бывших российских послов (*Совета послов*) при Верховной комиссии, а с 1928/1935 г. – официальным представителем Совета в Административном совете Комиссии и в последующем учреждении, которое заменило его.

Из раннее опубликованных писем Чупрова (Борткевич, Чупров 2005) уже следует, что Гулькевич помогал ему с пересылкой отписок (Письмо № 148) и что он имел “квартирку” в Женеве, одна комната в которой была “припасена” для него, Чупрова (Письмо № 198). Из этой квартиры Чупров и попал в больницу и умер там, а в своем последнем письме из этой квартиры (№ 211) Чупров наказывал: “Для советских жителей в моем адресе лучше опускать фамилию Гулькевича”. И именно Гулькевич отговорил Чупрова от возвращения в Россию (см. Приложения) и тем самым сыграл судьбоносную роль в его жизни.

И вот отзыв Гессена (1979, с. 13 – 14) о Гулькевиче:

Его благородная скромность, строгая корректность и чарующая благожелательность ... служили проявлением прекрасной души и свидетельством лучших дворянских традиций, сделавших из него честного демократа.

И далее: после революции в России Гулькевич всё же продолжал пользоваться всеми привилегиями посла. И, наконец (с. 15): после переезда в Дрезден в 1920 г. Чупров “окончательно ушел в науку и отрешался от нелюдимости только ради Гулькевича, с которым всё больше сближался”. Да, в первом приближении так и было.

Кратц (2003, с. 1) указывает, что Гулькевич был одним из главных пайщиков “русской группы” *Слова*, и это объясняет, почему Чупров сообщал ему все новости о нем. “Ваше издательство”, как назвал его Чупров в Письме 26.

Вспоминая о своем знакомстве с Чупровым, Гулькевич (1926/2004, с. 175) писал:

Помимо его моральной чистоты меня сразу же очаровала его безграничная доброжелательность, справедливость, терпение не

только по отношению к точке зрения других, но даже к их поступкам; удивительное самообладание несмотря на вспыльчивый характер и горячий темперамент; любовь к природе, прекрасное понимание искусства, восхищение музыкой.

Дмитриев и Семенов (Чупров 2003) привели другую выдержку из того же источника, в которой Гулькевич и указал, что “осенью” 1917 г. он уговорил Чупрова повременить с возвращением в Россию после своего кратковременного пребывания в Скандинавии.

Александр Александрович Чупров (1874 – 1926) был крупнейшим российским, а наравне с Борткевичем и европейским статистиком, сыном известного и заслуженного статистика Александра Ивановича Чупрова (1842 – 1908). Он окончил физико-математический факультет Московского университета, заранее имея в виду применить свои будущие знания к изучению социальных явлений. Учился затем в Германии, в основном у известного статистика и экономиста Г. Ф. Кнаппа, и защитил в его семинаре диссертацию по государственоведению. В 1909 г. защитил диссертацию в Московском университете по статистике и получил степень доктора наук. С 1902 г. – заведующий кафедрой статистики в Петербургском политехническом институте, профессор (там же) с 1910 г.

В мае 1917 г. выехал на несколько месяцев в Скандинавию, но так и не вернулся. Жил в Стокгольме и Христиании (Осло) до июня 1920 г., затем в Германии. В 1925 г. безрезультатно лечился в Италии, оттуда уехал к Гулькевичу в Швейцарию и умер там. В период 1910 – 1917 гг. под влиянием А. А. Маркова, крупнейшего российского математика, не оставляя своих прежних статистических изысканий, стал также и *математическим* статистиком (в отличие от своего отца). Очень возможно, что он был автором памфлета *Разложение большевизма*, вышедшего на французском языке в 1919 г. в Стокгольме и как бы написанного его отцом, к тому времени уже покойным. Русский перевод памфлета – Чупров (2003). Новые публикации о Чупрове указаны в Библиографии.

Некоторые письма Чупрова возможно пропали, хотя перерыв между письмами 8 и 9 можно объяснить тем, что Чупров жил в Стокгольме с января 1919 г. (хоть Письмо 8 от 15.8.1919 он и написал из Христиании/Осло) по июнь 1920 г. Он был в то время “заведующим статистическим бюро дореволюционного Центросоюза в Стокгольме” и издавал *Бюллетени народного хозяйства*, см. Прим. 2.2.

Первые письма были написаны из Норвегии, в которой Чупров ежегодно проживал по два месяца в течение 1915 – 1919 гг., – и даже научился читать беллетристику по-норвежски (его письмо А. Гульдбергу 20.5.1923, архив Борткевича в Упсальском университете).

В своих письмах Чупров сообщал об условиях своей жизни, о мыслях по поводу событий в России и о своих активных связях с берлинским издательством *Слово*. Он относился к *большевизму* самым отрицательным образом, но не смог составить себе мнения о

путях возрождения России, хотя и надеялся на *хозяйственного мужичка* (Прим. 12.2).

Можно сказать много больше. Елисеева (2006, с. 11) упомянула, что Чупров переписывался с Комитетом освобождения России (Russian Liberation Committee) и по указанному ей шифру Add 54437, с. 123 – 128 материалов Комитета в библиотеке British Library мы нашли его письмо с датой 6 января 1919 г., “начатое в середине декабря”. Оно “задержалось за отсутствием надежной оказии”, так что Чупров то ли не доверял шведской почте, то ли боялся, что о его переписке каким-то образом узнают в Москве. Но “сейчас [т. е. в начале января] берет его на свое попечение К. Н. Г. и отправит его в Париж” (еще не в Лондон). И вот выдержка со с. 124 этого письма:

Передумывая заново вопрос об интервенции в связи со всеми Erfahrungen [со всем опытом] последних месяцев, я с еще большей определенностью чем ранее прихожу к убеждению: интервенция может дать результат лишь в том случае, если западная и американская демократия открыто признают ее своим делом, поняв, наконец, что в Совдепии fabula narratur [дело идет] не о России только, а о судьбах европейской культуры. Интервенция же, прожисмаемая всяческими правдами и неправдами в обход общественного мнения при помощи закулисных влияний, ничего кроме новых бед никому не несет. К ясной и гласной постановке вопроса об интервенции в союзных странах нам, русским, и надо стремиться.

Из писем Гулькевичу мы также узнаем, что Чупров всерьез интересовался политическим и экономическим положением Германии и разумно и весьма неодобрительно отозвался об экономических условиях Версальского мира, ср. Прим. 24.1.

Чупров хорошо знал о положении в России из многих источников (см. также Письмо № 31), один из которых мы включили в Приложения. Чупров безусловно прочел его, так как в том же томе находилась статья Мордуха (1923).

Многое в письмах остается неясным, тем более, что ни одного письма от Гулькевича не сохранилось. Положение усугубляется и тем, что Чупров часто обозначал третьих лиц сокращенно (Вал. Вас., С. Д. или даже просто Л.), а его отвратительный почерк создавал дополнительные трудности. Машинопись Чупрова была весьма неважного качества ввиду трудностей с добыванием лент, к тому же окончания машинописных писем как правило сопровождалась рукописными добавлениями на самых краях бумаги.

Сомнительные места мы сопровождали знаком вопроса, а непонятные – сокращением *нрзб*. В нескольких случаях мы без комментариев изменили правописание слов на современное (допинг – допинг и т. д.). Весьма необычный чупровский порядок слов в предложениях мы, разумеется, не стали выправлять, но вот пунктуацию позволили себе значительно изменить.

Письма А. А. Чупрова

Письмо № 1. Крест^{1.1}, 8.7.19

Дорогой Константин Николаевич,

Вот уже вторая неделя, что я в Христиании, а только-только начинаю входить в работу. Основательно-таки отстал я за зиму от своей науки^{1.2}. Я совсем было приуныл, видя, как вяло стали действовать мозги. Но понемногу дело всё же как будто начинает идти на лад. Странное было вообще состояние эту неделю: того острого умственного переутомления, которое всегда, бывало, отравляло первые недели лета, не чувствовалось, а в то же время определенно было не по себе.

Я объясняю [это] тем, что в стокгольмской обстановке жизни много было разного рода допингов и нервы привыкли к подстегиванию. Здесь же, лишившись всех этих возбудителей и не найдя им сразу замены в научно-творческой работе (с которой для вкусившей этой отравы головы ничто уже не может сравниться), организм было и заскучал. Хорошо еще, что погода стоит такая благодатная. Лето настоящее, как лету быть подобает: с отвычки в городской атмосфере порой даже тяжеловато, но в целом очень приятно прогреться вовсю. А у Вас как? надеюсь, что хоть этим небеса и Вас балуют.

Письма Ваши отправил в день приезда почты. А на следующее утро зашел к Брокам, чувствуя, что иначе упустишь. И действительно застал их на отлете за упаковкой чемоданов. Были ко мне очень ласковы, оставили завтракать и я приятно побеседовал с Ол. Ив. на разные темы. Заходил в Стат. бюро к Rygg'у, но он тоже в отлучке. Был у Гофмана, но не застал. К нему пройду снова, а больше ни с кем не предполагаю видеться.

Всего хорошего. Привет Вал. Вас., Вашим и Нольде^{1.3}, буде он до Вас добрался. Ваш А. Чупров

Письмо № 2. Крест., 14.7.19

Дорогой Константин Николаевич,

Посылаю Вам несколько газетных вырезок; о новой партии русских, явившихся в Париж с юга (в числе их Перстов [?]), о Нольде, о книге Tittoni [1919] и корреспонденцию в *Times* из Парижа. Если она не попалась Вам на глаза, не пожалейте десяти минут, пробегите и дайте Вал. Вас. прочитать – очень знаменательно.

О себе писать нечего. Живу тихо. Сажу за работой дома и в библиотеке. По временам хожу на Vugdö^{2.1} обжигаться. Последнее занятие идет довольно успешно. Если погода постоит, вернусь к Вам чернее черного. С наукой обстоит несколько слабее. Время приходится делить между чисто научными специальными статистическими темами и сюжетами экономическими для наших бюллетеней^{2.2}. Это изрядно-таки мешает: перебивает мысли, не дает сосредоточить их вплотную на математике. Но что же поделаешь! Взятся за гуж. Надо тянуть и приспособливаться. Понемногу всё же и научная работа движется, но не так, как в прошлые годы.

Всего хорошего. Поклон Вал. Вас. и Вашим. Ваш А. Чупров

Письмо № 3. Крист., 18.7.19

Дорогой Константин Николаевич,

Вчера мне попало в *Morning Post* несколько довольно интересных заметок на русские темы. Посылаю их, так как за *M. P.* Вы обычно не следите.

Работа моя как будто наконец начинает идти несколько лучше. Зато с обжиганьем эту неделю слабо: погода сильно испортилась, всё больше тучи, хотя тепло и дождя немного. С завтрашнего дня обитателей Христиании ожидают неприятности. Бастуют коммунальные рабочие. Предсказали остановки газа, электрического тока, чуть ли не воды. Останемся без трамваев и, что по здешним условиям всего ужаснее, без очистки “удобств”. Последнее ближайшим образом затрагивает и мои интересы ввиду устройства того дома, где я обитаю (“удобства”, самого примитивного свойства, в чуланах на лестнице, где в силу этого и при наличии очистки порой смердит несносно). Ну, да по нынешним временам надо привыкать: теперь повсюду такая полоса предстоит.

Всего хорошего. Привет Вал. Вас. Ваш А. Чупров

Письмо № 4. Крист., 23.7.19

Дорогой Константин Николаевич,

Мысль об издании журнала в Скандинавии^{4.1} не внушает мне восторга и в такой постановке. Основания все прежние.

1. Некому писать. Гессен^{4.2} хороший администратор; как писатель и как редактор от силы далеко не первого ранга. На Нольде, Набокова^{4.3}, Ростовцева^{4.4} рассчитывать нельзя: они будут присылать из-за моря что и когда заблагорассудится. Если на них строить, то там и издавать, где они пребывают. Да и то сомневаюсь, чтобы стоило город городить. Л. Андреев^{4.5}, конечно, “имя”. Возможно, что он тряхнет стариной. Он ведь отроду газетчик: в юности репортерством промышлял – и примется строчить. Читатели у него будут. Но ... не знаю как Вы, а для меня Андреев как “перо” еще нетерпимее Горького: еще больше истерий и выкрика. Покаюсь: SOS^{4.6}. Я не осилил.

2. Некому читать. Много мы с Вами и с Вал. Вас. прочитали из числа тех брошюр, которые сыплются к нам со всех сторон на всех языках. Почему же думать, что не читаемое в Стокгольме встретит больше интереса, нежели издаваемое в Париже, в Лондоне, в Копенгагене? Музыканты все те же и, как их ни посади, при нынешних условиях игрой их не заслушаешься.

Наконец, третье и главное: нечего писать. В этом и горе. Будь у нас ясные линии, сумели бы, при всей скромности наших публицистических талантов найти формы для передачи мыслей, если не всем, всем, всем, то хоть тем, кому их в первую очередь желательно внушить. Но сейчас мы в таком тупике, из которого я лично выход нахожу только в наркотиках своих математических формул, да и то не заглушают боли так, как бывало раньше.

Про себя должен сказать прямо: быть может и придет день, когда явится у меня вера в определенные “пути спасения” и потянет исповедать ее, но сейчас никаких “путей” я не вижу. Не вижу и путеводителей, внушающих доверие. Обливать же матерной бранью большевиков, да говорить с кислой миной комплименты Парижу и государственной мудрости верховного правителя^{4.7}, – для этого заводить журнал не стоит.

Гессену не хуже Иоффе (от *нрзб*) всё мерещится “Колокол”. Как будто для издания “Колокола” нужны деньги и вольная типография! Не типография нужна, – нужен Герцен и нужны захватывающие жизненные идеи, как в своё время освобождение крестьян^{4.8}. А идеи-то ни у кого и нет. Ибо военная диктатура не идея и даже не рецепт, а либо техническая деталь, либо наркотик не лучше моих формул, – только гораздо опаснее для окружающих.

Одним “бронированным кулаком” Россию заново не сколотить; непрестанные срывы и на фронте, и в тылу, и в Сибири, и на юге, и на севере с достаточной убедительностью доказывают это. Воссоздать Россию может только массовое народное движение. Но как его поднять? Я думал и продолжаю думать, что в конце концов опору даст утрясшееся среднее крестьянство. Но крестьянство наше так еще бесформенно, что процесс “собирания” его грозит затянуться невесть на сколько времени.

Колчак или по крайности Дитрихс^{4.9} начинают сейчас с горя искать опоры в организованном разжигании религиозного чувства. Это, что и говорить, “идея”. Но идея не новая: сторонники этого рецепта издавна твердят, что если бы бога не было, его надо было бы выдумать для сего употребления. Не нов этот рецепт и для России: помните как у [Салтыкова-]Щедрина граф Твэрдоонто – он-то улещивает Гамбетту, что без бога нельзя^{4.10}. Но не говоря уже о том, что и мне – человеку иррелигиозному, – и в ещё большей степени людям верующим – не может не претить своим лицемерием мысль использовать религию в качестве политического “ядовитого газа”. Для меня такой план с одной стороны сдает на изгояние черта вельзевулом (как говорят немцы) [den Teufel mit Beelzebub vertreiben] – на вышибание классового эгоизма религиозной нетерпимостью, а с другой совершенно не верю я в политическую мощь воинствующего православия: не тот в православии дух, и не та в нашем духовенстве закваска. Я не думаю, чтоб даже в католицизме государство XX века смогло найти сколько-нибудь надежные заручки. Наш же православный бог, низведенный на землю, и вовсе не выдержит массовой схватки с вооруженными своим “евангелием” большевиками и, посрамленный, ретируется снова на седьмое небо или в керженские озера^{4.11}, оставив на Руси лишь ещё больший раздор. Нет, бог пусть уж витает au delà de la mêlée [франц., в стороне от схватки]: царствует себе на небесах, но не мешается в управление землей. С таким “конституционным” богом я, хоть и безбожник, но готов помириться, как мирюсь с конституционным монархом. Самодержавие же не приемлемо для России ни в царской мантии, ни в латах, ни в рясе.

Письмо № 5. 24.7.19

Простите, дорогой К. Н., что вчера так вдруг расписался. Сказались три недели тяжкого раздумья в полном одиночестве. Сегодня закончу кратко и деловито.

Издавать сейчас русские журналы и газеты есть смысл на юге и в Сибири. Заграничное издательство только перевод деньгам. Если деньги у Гессена есть, пусть издает: вреда, надеюсь, не будет. Но искать для него денег не советую и ни в каком уж случае не обращайтесь к шведам (к *нрзб*). Предоставьте вообще организацию и добывание средств самому Гессену, это же его главная специальность.

Если журнал наладится, писать в нем я буду, поскольку будут наворачиваться темы. Но в круг так наз. “ближайших сотрудников” не войду за полной неуверенностью в достаточной общности взглядов с Нольде, Набоковым, Ростовцевым и за отсутствием отстоявшейся “программы” у себя самого. Должен вообще сказать, что из всей этой компании я, несмотря на всё, скорее еще был бы склонен ставить как на публициста на Милюкова^{5.1}.

Теперь на всякий случай оговорюсь. Как Вы хорошо знаете, я от природы очень консервативен и к новым начинаниям недоверчив, а кроме того и излишне быть может требователен. Когда Струве приступил к изданию “Освобождения”^{5.2}, виделся я с ним в Гейдельберге и он читал мне статью, которой должен был открыться первый номер. Я уехал в Москву в настроении, не далеком от теперешнего. Своей субъективной оценки я не изменил и потом. Но объективно “Освобождение” сыграло роль – этого нельзя отрицать. Быть может и с Гессеном то же будет.

Блаженны верующие: легче им жить и действовать на свете.

Стачки у нас закончились, нужники вычищены и носу легче. Но политический воздух остается очень тяжелым. Кнудсен^{5.3} Ваш продолжает fortwursteln [нем., халтурить и халтурить] не думая о том, куда такая политика ведет страну. Боюсь, что дело здесь кончится нехорошо. Вообще на этот раз впечатления у меня от Норвегии невеселые. Об этом побеседуем, когда вернусь.

Научная моя работа помаленьку налаживается. Эту неделю занимался уже не приведением в порядок полученную ранее, а вел исследование вперед и кое-что нашел не лишнее интереса.

Stormer’а я не знаю, даже имени не слышал^{5.4}. Работает он в области мне чуждой.

Привет Вал. Вас. Ваш А. Чупров

Письмо № 6. Крист., 2.8.19

Дорогой Константин Николаевич,

На случай, что Ваши взоры прошли случайно мимо, посылаю заметку из [*нрзб*]. Трогательно!

Перл, о котором Вы пишете, действительно прямо в витрину просится. На что же, коли так, годен Ваш С. Д.? Что не горазд он, как повар на общественно-государственной кухне, – по этой части у меня давно нет иллюзий. Но, похоже, он настолько утерял вкус, что уже не способен готовить и на домашний стол. Роковая была ошибка переезд его в Париж. Сидел бы [*нрзб*] на юге, думали бы

люди, что есть у нас видные и мудрые лидеры. Всё было бы хоть небольшое да утешение!

А насчет гессеновских планов начинает мне становиться боязно, что я чересчур убеждал [?] Вас. Вы его не расхолаживайте, только сами не ангажируйтесь, Гессен же пусть себе хлопочет. Чем бы дитя не тешилось.

Лунц, значит, таки добился своего. Ну, давай ему бог, за него я рад и за дело ... Конечно, это не та марка, что Ник., но с другой стороны и не та, что Андр. или Русинов.

Сегодня на душе повеселее. Будапешт, Полтава, [нрзб]^{6.1} разъяснение, что не только не поддерживают большевиков, но, напротив, очень опасаются скомпрометировать себя в глазах их противников – всё это очень утешает – до следующего очередного срыва.

Всего хорошего. Привет Вал. Вас. А. Чупров

Очень вероятно, что за Будапештом последуют аналогичные события в Москве. И тут вот нашим верховным и полу-верховным правителям надо бы не наглупить, могут здорово провалить всё свое дело.

Письмо № 7. Крист., 5.8.19

Дорогой Константин Николаевич,

В пришедших вчера номерах *Morning Post* много интересного материала о России. Препровождаю вырезки. Всего существеннее свидетельство, что неудача наступления Колчака обусловлена не боевым, а внутренним срывом.

На этом фоне сугубо удручающее впечатление производит письмо Миллера^{7.1} Мериндолю [?]. Генералу быть может и подобает так смотреть на вещи, но тогда уж ему и надо командовать армией, а не стоять во главе управления.

Всего хорошего. Поклон Вал. Вас. А что бы Вам попробовать сплавить в Лондон кого другого, а Вал. Вас. придержать в Стокг. хотя бы временно, как прикомандированного.

Ваш А. Чупров

Надеюсь, что Вы так теперь притерпелись к моей мазне, что каждодневные мои послания не требуют чрезмерного труда на дешифрирование? Я со своей стороны по мере сил стараюсь облегчить сей труд, но результаты моих стараний, насколько сам могу судить, невелики.

Письмо № 8. Крист., 15.8.19

Дорогой Константин Николаевич,

Только мыслью, что хоть и пострадает моя статистика, но зато проведу несколько лишних дней с Вами в Örbu^{8.1} и утешал я себя, когда взбалмошная моя хозяйка вздумала было возвращаться в Христианию неделей раньше, чем было у нас условлено. Работу мне перебивает это сильно. Я сейчас как раз втянулся в очень сложный цикл вопросов и для того, чтобы спокойно заняться разработкой их в Стокгольме, мне надо теперь перерыть литературу одновременно [нрзб] и свои пути. Если бы пришлось сдвинуться с места вчера, всё бы спуталось. Но хозяйка вняла строгому моему

реприманду и вернулась к первоначальному уговору: оставить квартиру за мной до 20. Если работа не сорвется, надеюсь за эти дни управиться с тем, что представляется сейчас необходимым. Тогда буду обеспечен на несколько месяцев.

О поездке Вашей упоминал мне в одном из своих писем [П. А.] Остроухов^{8.2}. Поджидая вести о возвращении, я и не посылал “продолжения” той газетной распри, которую ведут здешние графы (или скорее граф Пер., выступающий, видимо, и под псевдонимом граф Килари[?]).

История с русскими беженцами разъясняется в нашу пользу: слово ими нарушено не было, выехали они из отведенного им отеля с прямого благословения надлежащих властей. Пробегите прилагаемую передовицу из *Morning Post*. Недурны аппетиты!

Всего хорошего. Привет Вал. Вас. Надеюсь, что погода подержится и мне еще удастся насладиться у Вас летом, которого здесь я в сущности не видел. Ваш А. Чупров

Письмо № 9. Берлин, 10.6.1920

Дорогой Константин Николаевич,

Простите, что пишу карандашом: в Schreib- und Lesezimmer моего Hospiz [нем., в комнате для письма и чтения моей гостиницы] не оказалось ни бумаги, ни пера, ни даже чернил, и я тоже еще чернилами не запасся, так как не думаю в этом Hospiz'e задерживаться.

Большое спасибо Вам за [нрзб]^{9.1} и за пересылку письма Струве: несколько строк очень милых и дружественных в ответ на мое второе письмо.

За эти дни повидал кое-кого. Впечатления понемногу определяются. Живется скудно и худо, настроение удрученно-разбитое. С трепетом ждут большевизма, который многим кажется в создавшихся условиях неотвратимым. Очень тяжело переживаются перипетии сии [?]. К русским отношение хорошее, – почти стесняющее. Видимо, очень ставят на Россию и думают о заручках.

Вчера осматривал улльштейновское^{9.2} дело: потрясающе грандиозно. Импонирует и организационным совершенством. Водил меня со-директор Гессена по *Слову*, который раньше управлял типографией. Произвел он на меня очень хорошее впечатление: типа Гравенштейна^{9.3}, но молодой и не такой нервный – еще не сношен рабочим перенапряжением.

Видел образцы набора клиентов [?] и вполне успокоился насчет формата: получается вполне прилично. А Ваша собственная наборная машинка, которая набирает сейчас здесь Толстого, дает даже нарядный вид: шрифт совсем симпатичный.

Ваши со-издатели очень ждут однотомное суворинское [А. С. Суворин] издание Пушкина. Мне припоминается, что у Вас Пушкин есть чуть ли не в этом издании. Если да, вышлете его Гессену: очень их всех обрадует.

Пока кончаю. Всего лучшего. Привет всем. Нежно Вас любящий А. Чупров

Письмо № 10. Берлин, 7.7.20

Дорогой Константин Николаевич,

Между разными присутственными местами, по которым меня вчера гоняли чуть не весь день, – как оказалось, зря, – удалось выбрать минутку зайти к Вашим. Застал Ал. Ам. и передал ему чек и письмо графини. Ел. Ник.^{10.1} повидать не удалось, она еще не встала. Помещаются они отлично. Очень хорошее место города и прекрасные комнаты. Побеседовать почти не имел возможности: торопился в жилищное присутствие, куда меня отправили из участка. Прождал там больше часа в очереди, чтобы узнать, что нечего было туда являться. В итоге за вчерашний день выяснил только порядок прописки, а самую прописку осуществил лишь сегодня, загубив на это снова всю первую половину дня. Сумбур и формалистика вели [громадные], и никто толком не говорит, с какого конца надо приниматься; приходится выстаивать в очередях, чтобы услышать, что сперва надо было отстоять в другом месте, но сегодня, слава Богу, прописался. Можно теперь по-другому начать думать.

Впечатления мои от Германии пока смутные и пестрые. Встречи в Саскаде [?] – впечатления благоприятные: очень благодушно, а вместе с тем и порядок. В Берлине не то: хмуро и пришибленно, осязательно чувствуется надлом, особенно у мужчин в глазах что-то, чего у берлинцев в старые времена не было заметно.

Очень пестро и по части цен: кое-что заметно дешевле против Стокгольма, но многое гораздо дороже. Цветная рубашка, например, 265 марок (хорошего качества – есть, конечно, и дешевле). За комнату, с другой стороны, плачу 20 марок, а комната очень недурная, довольно большая, везде окна. Еда плохая, если судить по тем образцам, на какие я пока попал и не дешево: рыба и мясо почти то же, что в Стокгольме, но зелень и фрукты много дешевле. Трудно пока подвести баланс и этому.

Своих застал в исхудалом виде^{10.2}. Сестра ушла совсем в домохозяйство: жили последнее время без прислуги – сестра сама и дом убирала, и стирала, и за садом и огородом ходила, и за живностью ухаживала: коза, куры, кролики. Сад их за эти годы отлично разросся – яблони, вишни, даже персики, ягоды всякие. Участок у них небольшой, но используется на славу. Но живется, несмотря на натуральное хозяйство, трудно. Слишком уж вздорожала жизнь.

Закончив хлопоты с пропиской, зашел сегодня к Гессену, но не застал. Повидаю завтра поутру. Кроме своих вообще никого еще не повидал. Завтра начну обход и надеюсь буду в состоянии рапортовать с меньшей сумбурностью, чем сейчас.

Простите сверхобычную неразборчивость моей мазни: очень не по руке перо, а написать Вам хочется, – даже с риском, что Вы, не разбирая, не станете и читать.

Привет всем. Всего лучшего. Горячо вас любящий А. Чупров

Письмо № 11. Берлин, 15.7.20

Дорогой Константин Николаевич,

На днях обзаведусь пишущей машинкой. Тогда напишу обстоятельнее. Пока же хочу лишь поблагодарить Вас за письмо, за [нрзб] и за очень для меня интересную вырезку из [нрзб]. Вы спрашиваете, стоит ли посылать мне первые и последние страницы. Интересует меня главнейше финансово-эконом. страница; затем^{11.1} страница с передовыми и предшествующая ей с телеграммами и парламентские объявления. Суд, спорт, музыка и страница, где придворные, семейная и метеорологические вести меня не интересуют настолько, чтобы их пересылать. Продолжать следить за остальным мне, конечно, очень приятно, но бесконечно совестно за те хлопоты, какие это причиняет Вам. Во всяком случае не отправляйте ежедневно номер за номером, а сразу по нескольку, – раз, другой в неделю. При моем всё еще не устроенном житии я их ежедневно и не получаю, а забираю сразу два, три, когда навещаюсь к сестре.

Устроиться более уютно пока не удастся. Легально я имею право жить лишь в отелях и пансионах. Пансионы очень переполнены и ничего подходящего пока не нашел. Надумал было поселиться у своих, что и их очень устраивало, так как им начинает грозить вселение, но оказалось, что это неосуществимо без особого разрешения, которое может быть выдано лишь по специальной рекомендации из Мин. иностр. дел. Всё это в конце концов уладится, но пока, в силу того, что живешь на биваке, время проходит в толчее и за сколько-нибудь серьезную работу приняться нет возможности. Не очень содействует бодрости и то, что я живу у самого Stadtbahn [нем., городская железная дорога] и это изрядно мешает спать.

Жизнь здесь в целом всё же дешевле стокгольмской. Даже при моем неблагоустроенном существовании сотней марок в день можно обойтись при питании на шведский масштаб, неважном, но сносном. Переехав же в мебл. комнату и выискав надлежащие места кормления, можно свести расходы на жизнь марок до сорока до пятидесяти не доводя себя до голодания.

У сестры нашел экземпляр своей диссертации [Чупров (1902)] и очень обрадовался возможности поднести Вам, наконец, свой opus. Но оказалось, что это не так-то просто: бесконечные формальности и хождение по инстанциям за разрешением послать за границу. Гессен обещает устроить.

О *Слове* напишу подробнее уже на машинке. Впечатления и тут пестрые. Но работа всё же идет, и дело становится на рельсы.

Всего хорошего. Привет всем. Когда и какими путями ждете Никольских? Ваш А. Чупров

Письмо № 12. Берлин, 20 июля 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Письмом к Вам сажусь обновлять только что приобретенную машинку. Уплатил за нее две тысячи марок, – за поддержанный, довольно ободраный экземпляр, хорошо, впрочем, вычиненный и приведенный в полную исправность. За машинку того же типа, но более новой модели с некоторыми усовершенствованиями, требовали три тысячи (тоже поддержанная, но выправленная и

несколько лучшей внешней сохранности). А машины более ходячих типов и посейчас ниже четырех тысяч не достанешь, хотя цены теперь заметно спали.

Начал я наводить справки и для Чолокантича о бинокле Цейса. Результаты пока не очень утешительные. Здешняя цена такого бинокля, какой ему нужен, несколько более полутора тысяч марок. Размера вывозной пошлины мне указать не смогли, обещали навести справки. В складе у берлинского представителя Цейса такого типа бинокля сейчас нет, но выражает надежду, что будет. Если обратиться прямо к Цейсу, заказ может быть выполнен лишь через несколько месяцев. Я попробую поглядеть еще по оптическим магазинам, а затем, узнав точнее цену с включением пошлины, уведомя Вас, дабы Чолокантич мог решить, стоит в конце концов выписывать отсюда или выгоднее купить в Стокгольме.

Отказавшись от мысли о переселении к своим, занялся я вплотную поисками помещения в пределах самого Берлина. Осмотрел ряд пансионов, начиная с таких, где комната с полным довольствием (кроме освещения, услужения и белья) расценивается в 18 – 20 марок в день, и до таких, где за комнату без продовольствия берут пятьдесят марок в день и больше, а пансион обходится от ста до полутора марок. В пансионах последнего типа живут, видимо, преимущественно американцы. К себе, как к русскому, встречал я повсюду самое ласковое отношение, нигде и нотки враждебности.

Водворился в отличной комнате в симпатичной мне части города в самом начале Шенеберга^{12.1}. Комната громадная, по площади едва ли меньше всего моего стокгольмского дублета, с громадным четырехстворчатым окном на площадь Виктории Луизы. Четвертый этаж, что я очень ценю, тем более, что имеется и лифт. Плачу довольно дорого, – с утренним завтраком 25 марок в сутки, но без полного пансиона найти что-нибудь подходящее очень трудно. Брать же пансион, вообще, отяготительно, а при моем теперешнем неустойчивом образе жизни и совсем смысла нет.

В качестве утреннего завтрака предлагается на выбор напиток, именуемый кофе, и напиток, именуемый чай. В первое утро я по привычке спросил кофе; подали кофейничек, содержащий две чашки темной жидкости, менее похожей на подлинный кофе, чем даже то, чем поила меня хозяйка на [улице] Рерстрандсгатан, притом ни молока, ни сахара. На блюдечке немножко безвкусного варенья из крыжовника, хлеб полагается иметь свой. На следующий день я спросил чай. Это оказалось лучше; тоже, конечно, не китайский чай, но нечто более приемлемое и притом с придачей не только варенья, но и некоторого количества сахарного песка. По нашим представлениям, казалось бы, скорее надо наоборот: сахар давать к кофе, а чай можно и с вареньем выпить. Но, очевидно, кофе даже и такой всё же дороже такого чая, и разница уравнивается сахаром.

Живу всё крайне бестолково, ни за что серьезное приняться не могу. Время без прока уходит между пальцев. Вот уж ведь третья неделя идет! На этих днях снова придется заниматься паспортными

хлопотами, – испрашивать продление срока. Значит, предстоит снова отстаивать в хвостах в присутственных местах. В каких именно не совсем еще ясно для меня. Пути есть разные, и я пока не остановился ни на одном из них. В течение ближайшей недели так или иначе выправлю себе документ на более длительное жительство и тогда либо попробую снять две комнаты не в пансионе (что, по слухам, фактически удастся, хотя и не без хлопот, и более в порядке попустительства, нежели на законном основании), либо перекочую на некоторое время в Дрезден поглядеть, как там жизнь идет. Тогда авось либо и за работу примусь как следует. Пока же единственное дело, которым я всерьез занялся, это зубы, которые, впрочем, оказались в настолько хорошем виде, что в два сеанса всё было почти закончено и остается только шлифовка пломб.

Предложил я *Слову* переиздать книгу моего отца *Мелкое земледелие и его основные нужды* [Чупров А. И. (1904)]. Я о ней давно подумывал, но не заводил речи, так как хотел сперва переглядеть и убедиться, что не устарела. Перечитав ее здесь, вижу, что переиздать ее непременно следует. Задача организации мелких земледельцев и повышения производительности их труда стоит теперь настоятельнее, чем когда-либо. Пути к ее решению остаются в основе своей всё те же, что десяток лет тому назад. В свое время книга отца давала сверх того и сводку фактов. В этом она, конечно, теперь поустарела, но много еще времени пройдет, пока кто-нибудь ее обгонит и тут. Гессен отнесся к моему предложению весьма сочувственно, и мы дело в принципе порешили, причем я взялся написать предисловие [Чупров (1921)^{12.2}], что и будет теперь одной из моих ближайших задач. Приходится пока кончать письмо. Продолжение следует. Привет всем Вашим. Всего лучшего. Любящий Вас А. Чупров

Письмо № 13. Берлин, 23 июля 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Пользуюсь проездом Бор. Ал. [Бориса Александровича Никольского]^{13.1}, хочу послать с ним продолжение своего последнего письма.

Начну со *Слова*. Я уже писал, что впечатление получилось у меня пестрое. Попытаюсь теперь отчетливее формулировать его. Многое в деле поставлено так, что подает большие надежды. Союз с Ульштейнами, который нас несколько смущал, оказывается безусловно правильным шагом. Это существенный элемент силы. Ульштейны дали в со-директоры крупного своего работника (по фамилии Росс^{13.2}), – человека еще молодого, полного энергии, с действенным темпераментом и с видимым намерением войти вплотную в русское дело, ради чего он принялся изучать русский язык. Благодаря Ульштейнам, типографское оборудование несомненно удастся наладить так, как иначе было бы невозможно даже ценой значительных переplat. Вся деловая техническая сторона благодаря немцам будет на полной высоте. А так как мы с Вами сходились в мысли, что первейшая сейчас задача – создание

типографского оборудования, то, значит, успех начинания в одной из жизненнейших его частей обеспечен.

Виденные мной образцы начатых изданий (в особенности Толстой, набираемый в Берлине на собственной наборной машине *Слова*) вполне успокоили меня относительно малого формата. Будет в достаточной мере нарядно при себестоимости, с которой конкурентам трудно будет бороться. Да и в ином формате обходиться будет, благодаря деловому опыту и связям Ульштейнов, предельно дешево.

Это всё плюсы, и плюсы вполне определенные и большие. Минусы не так объективно отчетливы, – мое впечатление обусловлено может быть лишь тем, что обстоятельнее присмотреться к внутренней работе не удастся. У меня остается чувство, что план издательский не приобрел за это время более точных очертаний: дело пока идет по линиям наименьших сопротивлений. Даже вопрос об учебниках в сущности почти не продвинут. Все трудности лишь вновь и вновь обсуждаются без того, чтоб в результате отстаивались практические заключения. Ведутся оживленные переговоры с раскиданными по Европе россиянами, получают разнообразные предложения. Но как-то пока всё растекается между пальцами.

Серьезным препятствием является гонорарный вопрос. Германская валюта, облегчая конкуренцию на книжном рынке сравнительной недороговизной печатания, крайне затрудняет приобретение авторских прав. Гонорары, для германского издательства нормальные и даже высокие, кажутся ничтожными уже при переводе во франки, и авторы не идут на них. Не встречает авторских симпатий и система процентного участия в валовой выручке, даже если часть суммы сулится авансом. Мы были гонорарами довольно избалованы, особенно наши беллетристы. Не в наших литературных нравах было и долго ждать уплаты за “товар”. Между тем нельзя не признать, что в условиях издательской деятельности *Слова*, при неопределенности срока сбыта готовых изданий, уплата гонорара до распродажи книги стеснительна, связывает слишком большие капиталы. Выпутываться отсюда, конечно, придется от случая к случаю. Но пока что предлагаемые условия авторам не по душе. Соиздателей же немцев иными условиями можно прямо запугать: здешние масштабы совсем не те, что в России.

Далее, нет, по-видимому, достаточной организационной сплоченности. [П.] Шутяков определенно оттерт. Элькин^{13.3}, хотя и не оттерт, но как будто и не пришлифован как надо бы. Гессен ревниво всё сам прибирает к рукам. Не заметно надлежащего распределения функций между привлеченными к ведению дела лицами. Дело идет, но не видно, чтоб подбирался в нем тот сплоченный главный штаб, дружная работа которого в подобном предприятии нужна более, чем где-либо.

Это – обратная сторона моих впечатлений. Но повторяю, возможно, что многое здесь случайно и зависит от недостаточной близости моей. Гессен старался демонстрировать мне казовую сторону, в черновую работу не вводя. Между тем, по моему

характеру мне именно черновая работа всего интереснее для составления суждения о деле. А в то же время ввязываться, навязывать себя я не горю. Возможно, что я и вижу в результате то, что делается, не совсем верно.

Теперь пару слов о Берлине. Тяжело здесь, Константин Николаевич, определенно тяжело. Не то, что еда плохая и кофе бурда: желудок мой пока справляется, а тогда это пустяки. Но очень тягостное кругом настроение: подавленность, беспочвенность, бессильная злоба, страх грядущего. Атмосфера эта гнетет. Возможно, что не во всей Германии так. Побываю в Дрездене, – быть может в Мюнхене, – и рапортую тогда. Но здесь в Берлине обстановка такова, что Вам лично, независимо от всего прочего (в том числе и от диетных требований Вашего желудка), так же трудно будет прижиться, как и мне.

К русским отношение такое, что частенько становится не по себе: слишком уж за своего считают. Определяется отношение к нам двумя моментами. 1) Все без колебаний признают, что лишь в России для Германии спасение. Ввиду этого желают личных заручек; одни их ищут у большевиков, другие у меньшевиков, иные, вероятно, сразу у тех и у других. 2) В некоторых кругах, напр., в академических, острый страх большевизма у себя. Видят себя уже на положении таких же бездомных кочевников, как наш брат, и от души соболезнуют. Страх, что и Германии не миновать большевизма, распространен широко и очень глубок. С мыслью этой так уже сжились, что в случае чего очень многие и думать не будут о сопротивлении, а так же, как у нас, по вызову идти сечья будут торопиться отстегивать брюки. В какой мере страхи эти объективно обоснованы, судить пока не могу. В возможность здесь большевизма на наш образец всё как-то не верится. Но кто его знает?

С напряженным вниманием и с двойственными чувствами следят здесь за польским фронтом^{13.4}. С одной стороны, радуются, что полякам влетает. Что Польша недолговечна, считается вообще аксиомой: России и Германии необходим смык и против этого не выстоять прослоенным между ними государственным новообразованиям. С другой стороны, преждевременный смык благодаря появлению русской кавалерии у прусской границы вызывает смущение: что-то из этого у себя выйдет. Боятся не столько военных действий со стороны русских большевиков, сколько выступлений собственных немецких коммунистов.

К Франции ненависть жестокая. Своей идиотской политикой заносчивого дразнения и непрерывных мелочных унижений Франция острее растравляет раны, чем даже общей версальской линией своей политики^{13.5} и роет себе яму, из которой потом не легко будет выбираться и которая как бы со временем не оказалась и могилой. Всё это при первой возможности отольется. А при теперешнем состоянии Европы таковой возможности, пожалуй, и не очень долго придется ожидать. В общем, фигура эта видна, конечно, и издали, но на расстоянии не чувствуется безнадежности создающегося положения так живо, как тут. Затяжной развал по всем швам Европы и европейской культуры. Жутко!

Приходится пока кончать. О внешнем виде Берлина порасскажут Вам Никольские, с которыми мы сошлись в характере впечатлений. Всего хорошего. Привет всем. Искренне любящий Вас А. Чупров

Письмо № 14. Берлин, 27.7.1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Хочу порадовать Вас вестью об издательстве. Вопрос об учебниках получает, наконец, движение. Одним из существеннейших препятствий была трудность приобретения авторских прав. Идти на самочинное их присвоение с произвольным отчислением в пользу не спрашиваемого о согласии автора *Слово* не хотело, – не хотелось равнять себя с нарождающимися ныне повсюду издателями-пиратами. Гессен искал разных выходов, но всё не вытанцовывалось.

А сейчас дело получило неожиданно благоприятный оборот. В Берлине появился представитель крупного южно-русского издательства (Цитрон^{14.1}), имеющий в своем распоряжении как раз ряд учебников для средней школы (по-видимому исключительно по предметам естественно-историческим). Учебники испробованные, одобренные ученым и прочими комитетами, некоторые удостоены премий Академией наук. С Ц., как Вам, вероятно, уже и передал Бор. Ал., начались переговоры. Вчера я попал на Маркграфенштрассе как раз на обсуждение, видел и Цитрона, и часть его учебников, присутствовал при беседе. Дело определенно на мази, разговор идет о подробностях соглашения, да о технической стороне: формат, характер иллюстраций и т. д. Полагаю, что всё наладится, если не налажено уже вчера. На мой взгляд, это очень осязательный шаг вперед.

Передал Гессену, что Вы поручали: о Тихонове с братией и т. д. По мне правильнее продолжать держаться тактики выжидательной, ибо, не говоря об ином, пока нечего и предложить. Нет ни готовых книг, ни своей типографии. Бояться, что кто-нибудь опередит, совершенно не приходится. Напротив, только лучше будет, если кто-либо проложит дорогу.

Письмо Конд. [Кондакова]^{14.2} передал в тот же день, когда получил его. К сожалению, оно мало двигает дело: деталей много, но начать калькулировать всё еще нельзя. Остается неясным, как же обстоит с иллюстрациями. Где они? Как будто у сына в Питере? Если да, то дело неважное. Обидно, что так медленно подвигается.

В письме Вашем от 17 было три странички (двусторонних) Вашего текста и две странички Кондакова. Большое спасибо Вам за газеты и за милые, страшно интересные письма. Очень порадовало меня, что проявились черновики мои, оставленные в 1917 г. Савицкому для застрахования. Один кусок (глава II, EQ^2)^{14.3} мне сейчас очень пригодится, так как отделанная рукопись застряла в Петрограде. Я бы просил Вас даже выслать этот кусок мне в Николаев^{14.4}. Если черновик был в сколько-нибудь приличном виде, большое мне облегчение.

Я сейчас опять в некоторых хлопотах: бегаю из одного присутственного места в другое, теряю время на хвосты и переезды

– расстояния здесь громадные. Работа [нрзб]. Всего хорошего.
Привет. Ваш А. Чупров

Письмо № 15. Берлин, 3 авг. 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Спасибо за письмо, за *Таймсы*, за скандинавские вырезки. Горячо поблагодарите графа за радость, которую он доставил моему племяннику.

Английское письмо – ответ Кейнса. Увы, Ляцкий^{15.1} и тут успел перейти нам дорогу. Вот точный текст письма:

Уважаемый профессор Чупров,

К сожалению, должен сказать, что уже передал права на русское издание моей книги Экономические последствия мира [1919] шведскому издательству. Сожалею, что поэтому должно отказаться от предложения Слова, по поручению которого Вы пишете.

Позвольте в то же время поблагодарить Вас за содержание Вашего письма, а также и за экземпляр Вашего недавнего мемуара об устойчивости статистических рядов [1918 – 1919], который Вы любезно прислали мне. Я тщательно работал над этой темой перед войной и надеюсь снова приняться за нее в трактате о теории вероятностей [1921], который, возможно, окажется моей следующей публикацией.

Идеи, восходящие к Лексису, не стали известны в Англии настолько, насколько они заслуживают. Впрочем, характер моей работы по этой теме будет намного менее математическим, чем у Вас.

Поскольку в нашу страну проникли слухи о том, что Вы серьезно пострадали от большевистского режима, я восхищен тем, что получил от Вас дополнительное письмо и заметил, что Вы благополучно устроились в Швеции и в состоянии продолжать свои научные изыскания. Не стоит и говорить, что я был бы счастлив опубликовать в Economic Journal любую статью, в особенности о делах в России, которую Вы смогли бы прислать мне.

Искреннейшие Ваши

Браун^{15.2}, когда был в Берлине, от людей нашего типа прятался. Он случайно встретился с товарищем моим по Политехническому институту [В. Б.] Ельяшевичем, но при вторичной встрече и от него увильнул. Жалеть об этом *Слову* не приходится. Пока нет собственной типографии, заказы такого рода для *Слова* не представляют, в сущности, интереса: роль ведь была бы та же, что у Гольберга, – посредника между заказчиком и той или иной типографией. А на эти роли достаточно Гольбергов.

Обзаведение же собственной типографией, к сожалению, затягивается, если не расстраивается. В Данциге ничего не выходит из-за помещения. Вопрос теперь ставится так: либо отложить на неопределенное время, либо устраивать в Германии, – в Берлине или в одном из приморских городов (например, в Штеттине). Так

как значительная часть оборудования (большая ротационная машина, ряд плоских печатных машин, несколько наборных машин) приобретена или заказана, то настроение склоняется в пользу последнего решения. А. И. Каминка^{15.3} привез, кроме того, известие, что сейчас, быть может, представится случай дешево купить типографию в Риге, – в связи с отливом оттуда немцев, – но это пока ещё недостаточно конкретизировано. Подробности имеют быть досланы.

Вопрос об орфографии обсуждался тут вплотную. Большинство стоит за старую, причем кроме соображений политико-сентиментальных выдвигаются в ее пользу также два действительно веских доводов. Один – технический (крайняя трудность найти за границей грамотных по-новому наборщиков и корректоров), другой – деловой (поначалу приходится ближайшим образом рассчитывать на сбыт в окраинные и славянские государства и в русские заграничные центры, – в частности, в Америку, – а здесь [там] книга с новой орфографией не пойдет).

Я лично занимаю в этом вопросе среднюю позицию, не будучи склонен рассматривать его с высоко принципиальных точек зрения, но не разделяю и высказываемого Вами опасения, что привычка к новой орфографии будет мешать чтению книг, набранных по-старому. Ведь всё же, как бы энергично ни повели свою издательскую работу большевики, главная масса находящихся в обращении книг в течение очень долгого времени будут книги старые, напечатанные по-старому. Писать по-старому скоро отучатся, против этого я не спорю. Но читать по-старому будут так же продолжать, как читают немцы своими двумя начертаниями букв^{15.4}. Я и считаю, что вопрос об орфографии следует решать отдельно в применении к каждому отдельному изданию. Классиков, например, и на мой взгляд сейчас правильней набирать по-старому. Равным образом и такие книги, как хотя бы отцовское *Мелкое земледелие*. Но учебники я был бы более склонен набирать по-новому. Здесь, однако, издатель, у которого покупаются права (Цитрон), по-видимому настаивает на старой орфографии, так как у них на юге новая ещё не пустила корней.

Об иных издательских вопросах, обсуждавшихся последние дни на нескольких совещаниях, напишу в другой раз. Сейчас приходится кончать.

Передайте Чолокантичу, что дела с биноклем принимают более благоприятный оборот: отпадает приплата на вывоз, и бинокль будет стоить около тысячи ста марок. Здешний филиал Цейса, который я, наконец, разыскал, рекомендует заказать прямо в Иене; на складе и у них нет. Спросите Чолокантича, до какой цены франко Стокгольм он склонен идти, и тогда я закажу, если цена не выйдет из этих рамок.

Получил на днях письмо от Савицкого^{15.5} с пути в Севастополь (куда он отбыл вместе с Петром Берн. [Струве]), писанное в вагоне в Италии. Тема – печатание его книги. Всего хорошего. Привет всем. Искренне любящий Вас А. Чупров

Письмо № 16. Берлин, 7 авг. 1920

Дорогой Константин Николаевич,

В последнем письме я начал передавать Вам результаты обсуждений, организованных на этой неделе Гессеным. Принимали участие, кроме Гессена, Элькина и Шутякова, вернувшийся из поездки Каминка, перебравшийся сюда Набоков, я и два молодых педагога, недавно выбравшиеся из Питера, – пасынок Гессена Штейн (по специальности историк)^{16.1} и зять Авг. Ис. Каминки (какая его специальность, не знаю). Вопросов перебрали много. Сказать, чтоб их обсудили, было бы много: беседа шла довольно неупорядоченно. Вот главные темы:

1. Перечень предположенного к изданию. Классики: русские уже набираются. Гоголь, Лермонтов, Толстой, Герцена *Былое и думы*; с Пушкиным задержка из-за отсутствия подходящего для образца издания, надеются добыть из Парижа. Скрепя сердце, предлагается взяться и за таких, где авторские права еще не угасли: в первую очередь Достоевский, Тургенев, Некрасов. С ныне живущими литераторами переговоры пока ни к чему не приводят: гонорарный вопрос, – запрашивают несообразно.

Литература иностранная: хотят издать избранные произведения наиболее выдающихся представителей разных стран, – томик Шекспира, Гёте (*Фауст*), Диккенс (*Давид Копперфильд*) и т. д. За это берется Набоков. Учебники: у Цитрона покупается 18 учебников для средней и полусредней школы, все по природоведению. Желают не отлагая дать и что-либо по истории, – продолжаются переговоры с [П. Г.] Виноградовым, предполагается снестись с Ф. Ф. Зелинским^{16.2}. Имеется в виду [и] кое-что по математике.

Книги для детского чтения: набирается одна книжка с рисунками, проектируется издание русских классиков для детей, напр., избранные произведения Жуковского. Из переводов пока готова лишь половина Эйнштейна^{16.3}; от Аррениуса^{16.4} ни слуха, ни духа; Кейнс, как я писал Вам, отошел; кое-что еще намечается, но пока неопределенно. Из оригинальных русских произведений Нольде отвели; Каминку, видимо, не отведешь; кроме того, *Мелкое земледелие* моего отца. Ульштейны подбивают братья за издание, одновременно с их немецким, малого энциклопедического словаря; пока план не вполне ясен.

2. План моего предисловия к *Мелкому земледелию* настолько заинтересовал Гессена, что он поднял опять речь о предполагавшемся вначале сборнике *Итогов*. Однако, обсудивши, – и тут довольно обстоятельно, – пришли к выводу, что за это приниматься не стоит. Начетисто, да и мало шансов получить действительно значительные статьи.

3. *Архив русской революции*. Беседовали продолжительно, но нельзя сказать, чтоб обстоятельно. Набоков успел переменить позицию и стоит теперь на точках зрения, не далеких от нас. Но Гессен держится крепко. В результате *Архив* начнет издаваться. Выходить он будет не в издании *Слова*, – на этом настоять удалось, – но на средства *Слова*; редактор – Гессен. Так как издание предполагается не правильно периодическое, а по мере накопления материала, то в такой постановке невыгоды не больше, чем при

издании под редакцией Гессена за счет самостоятельной Тохтергезелльшафт [Tochtergesellschaft, нем., филиал компании]. Материальный риск невелик: если первые книжки не пойдут, издание замедлится или и вовсе прекратится. А возможно, что и будет сбыт.

4) Орфография и 5) Типография – уже писал Вам.

Кроме этих совещаний попал я полу-случайно на два заседания с немцами и Цитроном, одно – предварительное, другое – решающее, с присутствием Гравенштейна. Грав. произвел на меня сильное впечатление, остальные, не исключая и Цитрона, были им придавлены. Чрезвычайная отчетливость мысли; быстро схватывает чужую мысль; мгновенно и удачно принимает решение. Человек крупный, – вне спора.

В связи с переездом Набокова принимаются-таки за газету [Руль]. Были на этой неделе совещания и на эту тему, к которым я не привлекался, так как Гессену моя точка зрения известна. Каминка, который будет заведывать экономическим отделом, пробовал взять с меня обещание давать хотя бы одну статью в неделю, но я и тут увильнул, сотрудничать не обязался. Посмотрим сперва, что у них выйдет. Очень опасаясь, что кончится дело не к славе.

Видел на днях своего товарища по Политехн. Институту, В. Б. Ельяшевича. Он много рассказывал очень интересного про деникинский юг. В целом всё это близко соответствует нашим представлениям, как и вообще в его настроениях и умствованиях оказалось со мной много общего. Мы даже дивились, как, при столь разнствующих куррикулах жизни^{16.5} за эти годы, мы в целом пришли к столь сходным выводам.

[А. В.] Кривошеина он самым решительным образом защищает, относя доносившиеся до нас слухи в область политической клеветы. Как и [П. Б.] Струве, считает его самым крупным из имеющих налицо деятелей. К [М. В.] Бернацкому^{16.6}, отзываясь очень сочувственно о нем лично, относится весьма скептически как к администратору. О порядках в Крыму имеет от одного из наших экономистов вести неутешительные. Если бы судьба закинула Е. в Стокгольм, – сейчас он направился по делам в Христианию, – повидайте его и порасспросите. Картину юга дает яркую.

Паспортные дела мои всё еще не устроились, и я сижу здесь в ожидании продления. Время проходит довольно зря, хотя эту неделю всё же работал немного больше. Надеюсь, что на следующей перекочую в Дрезден и примусь за дело как следует. Всего хорошего. Привет всем. Горячо любящий Вас А. Чупров

Письмо № 17. Берлин, 12 августа 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Спасибо за письма, за черновик донесения, за бумагу о Ник.[Никольском], за *Таймсы*, за вырезки, за тридцать семь с половиной крон, – сегодня перечню благодарений совсем конца нет. Что должен я сделать с черновиком донесения? Переслать его обратно я побаиваюсь. Буду пока держать у себя – до

востребования. Напишите, каков будет результат Вашей великолепной бумаги о Ник. Надеюсь, что проберет наконец.

Ваше письмо с кронами занес мне Ал. Ам. Мы с ним сговорились, и мне удалось побывать у Ваших. Перед тем я за эти недели несколько раз заходил в Курфюрстенэк^{17.1}, но либо не заставал, либо не удавалось даже дозвониться. Ваши, насколько так видно, в добром настроении и здешним своим существованием довольны. Ал. Ам. очень увлечен делом, – его быстро развивающимся успехом, своим деятельным участием: заседают они каждодневно, а Ал. Ам. приходится и кроме того кое-какую работу нести.

От Берлина у Ваших впечатление менее тягостное, чем у меня, отчасти, вероятно, потому, что они держатся более в русских кругах, а подлинных немцев видят мало. Отчасти и потому, что фон для сопоставления и оценки у них не тот: я сравниваю Берлин двадцатого года с Берлином лета четырнадцатого года и со Стокгольмом, каков он сейчас. Ваши же сопоставляют отчасти с Ригой, Псковом и т. д., отчасти с тем же Берлином год и более назад. Мои сравнения окрашиваются в тон очень уж не розовый, Ваши же замечают улучшение против того, что было.

Я всё еще не управился с формальностями и потому сижу здесь на биваке. Жажду перебраться в Дрезден и устроиться попрочнее и поуютнее. Довольно определенно склоняюсь к тому, чтоб местом оседлости не выбирать Берлин: здесь трудно было бы наладить жизнь так, чтоб не было непрерывных перебоев в работе. Пока имею в виду попробовать осесть в Дрездене, откуда в случае надобности не так трудно наведываться в Берлин. Больше тянуло бы, собственно, в Мюнхен, но туда трудно получить доступ. Да, с другой стороны, и далеко от Берлина, с которым всё же желательно поддерживать связь. С нетерпением жду вестей и впечатлений [от] Стр. [?]. Страшно сожалею, что добрался он до Стокг. уже после моего отъезда. Через Волкова получил письмо сестры. Им сейчас (конец июня) полегче, ибо зять мой, Н. В. Сперанский, получил профессорский паек. Из того, что туда отправлялось, успел дойти посланный [А. Ф.] Волковым шоколад. В момент отсылки сестрой письма ей вручили мое письмо, направленное через Волкова же. Так. обр. установлена почтовая связь. Всего лучшего.

Письмо № 18. Берлин, 16 августа 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Несказанно обрадовали Вы меня линдовыми миллионными вестями. Передайте ему самую горячую мою благодарность. Совет Линда^{18.1} доставить еще четверть миллиона передаю немедля А. Ф. Волкову в Лондон, прося его, если имеет возможность и не считает чрезмерно рискованным держать в Москве на руках сразу всю сумму, отвести моим, кроме закупаемых им в Лондоне вещей, и наличных денег. Так как из Берлина переводить деньги за границу более, чем затруднительно, то я прошу Волкова снести с Бор. Ал. [Никольским]. Будьте добры, Константин Николаевич, передайте Бор. Ал. мою просьбу вручить Волкову или перевести ему по телеграфу сумму, какую он укажет. Я прошу также Волкова

прихватить чего-нибудь на сотню крон от меня, Ник. и Остр., как мы о том в свое время уговаривались, [В. Э.] Дену, [А. С.] Посникову и другим преподавателям эконо. отделения нашей поры. Для Дена^{18.2} прошу кроме того взять с собой на полсотни крон от меня и от матушки Дена.

Если он к тому времени, когда потребуются эти уплаты, идущие от меня от замены двести фунтов еще не поступили на мой счет и счета моего не хватило на все расплаты, то окажите мне вкупе с Бор. Ал. на недостающие кредит.

Если Волков будет ехать через Стокгольм, то не худо было бы [если] он вручит ему и “скучающие” в Вашем столе думские рубли, – если, конечно, он возьмется их прихватить.

Видел я третьего дня назначенного сюда торговым агентом Р. Кана, о котором мне передавал Бор. Ал. Пришелся он здесь так не ко двору, что отбывает на этой неделе через Париж обратно в Крым. Он сунулся, не спрося брода, в министерство, попал там, по его словам, на явного про-большевика и вынес сразу определенное впечатление, что здесь делать ему нечего. В Цельтен^{18.3}, где Верет. [А. П. Веретенников?] сам считает себя большим специалистом по финансово-экономическим вопросам, встретили его тоже нерадушно (он об этом мне не рассказывал, но ясно вижу по тону Вер., с которым мне пришлось дважды беседовать в связи всё с теми же, идущими мне двумястами фунтами).

Всего хорошего. Привет всем. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 19. Берлин, 24 августа 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

После бесконечной волокиты удалось, наконец, получить продление визы, – правда. всего до второго октября, но дальше будет уже проще: не будет надобности обращаться в высшую инстанцию. Послезавтра перебираюсь в Дрезден. Надеюсь, что там удастся устроиться более прочно и приняться как должно за дело. Здесь за все эти полтора с лишним месяца не сделал почти ничего. Толчая здесь жестокая, теребят так, что времени не выберешь присесть за работу, требующую известного сосредоточения и напряжения. Само по себе всё это небезынтересно, порой и небесполезно. Но когда такая жизнь затягивается, становится невмоготу, и я очень мечтаю о предстоящем в Дрездене полном одиночестве.

Из здешних впечатлений последних дней наиболее интересное, – рассказы Павла Ив. Новгородцева (бывшего профессора Моск. унив., ныне проф. Таврического, Симфероп. университета)^{19.1}. Новг. в научной командировке, к началу семестра возвращается в Симферополь. Как видный кадетский лидер и человек, близко стоявший к государственной машине в денкикинские времена, видел и знает многое и многих. Общий тон его повествований о врангелевском Крыме очень бодрый. Наиболее существенны два пункта.

Во-первых, вопроса о земле более не существует; радикальное врангелевское решение, – оно в значительной мере является лично врангелевским, так как он, не утвердив половинчатого проекта

комиссии, принял выработанный в пару дней по его настояниям Глинкой в сотрудничестве с [А. В.] Кривошеиным нынешний закон, – не встречает оппозиции даже в тех кругах, которые яростно возражали во времена Деникина против проекта [А. Д.] Билимовича. Ник. Ник. Львов^{19.2} восторженно приветствовал как развитие столыпинского законодательства. Кривошеин с Глинкой горячо протестуют против такой квалификации, считая историческое значение их мер совершенно несоизмеримым со столыпинскими. Закон не остается на бумаге, а энергично проводится, причем Врангель велел начать землеотводные работы с уезда, где большие имения его жены.

Во-вторых, явственно воссоздается власть, которую слушают, в отличие от деникинских времен, когда веления застревали на пути по канцеляриям, не доходя до исполнения. Теперь дело не остается на бумаге, а проученные опытом, следят за тем, как распоряжения и приказы осуществляются в жизни. Другое существенное отличие от Деникина заключается в том, что Деникин искал опоры в партийных и общественных организациях, Врангель же стремится найти опору непосредственно в народе. Гонениям общ. организации не подвергаются, но как-то совершенно сошли со сцены, не играют никакой роли.

Настроение деревни сочувственное: помимо аграрного закона, довольны тем, что Врангель не только прекратил, – и очень круто, военно-полевыми судами и казнями, – грабежи со стороны армии, но не производит и реквизиций, а всё, что требуется, покупает. Оптимистически оценивает Новг. и военное положение. После своих побед в материковых уездах Врангель, собственно, мог бы сильно продвинуться, – как считалось, до Харькова, но он не пошел, закрепившись на выгодных в стратегическом отношении рубежах. Если военная обстановка будет продолжать складываться благоприятно, то потом, когда удастся укрепить тыл, продвинется еще вперед, опять-таки на выгодные в военном отношении грани. Если же большевики перебросят чрезмерно большие силы, отступит в Крым, где за укрепляемым всё время Перекопом можно будет отбиться против любого перевеса. Флота на Черном море у большевиков нет, а у Врангеля кое-что имеется, так что и со стороны моря опасности не грозит. Армия, к которой Врангель стоит близко, в очень хорошем порядке. Подтягивание поначалу потребовало крутых мер, но удалось вполне.

Вот довольно полный пересказ того, что сообщал Новг. А вот вести из Совдепии. Вчера один знакомый кооператор-эсер читал мне письмо из Москвы, адресованное одним из очень видных тамошних кооператоров (правым эсером) лондонским товарищам. Говорит, что положение внутри сейчас совсем не то, что несколько месяцев назад. Старой кооперации более нет, но все старые кооператоры после долгих размышлений и обсуждений пошли работать в новую, советскую кооперацию, считая, что только изнутри Россия и может восстановиться и что восстановление это уже помаленьку и идет.

Заграничных своих товарищей во многом не понимают, как, видимо, и те многого не понимают в России. Резко против всякого

вмешательства и против врангелевских авантюр. Про Польшу выражается “польский мятеж”. Сходного настроения письмо получил пасынок Гессена от своего товарища, молодого историка: поздравляет с благополучным переездом, но сам предпочитает оставаться в России: “я – азиат” и могу жить и работать только у себя. Жизнь идет, и та Россия, “за которую умирал Рыкачев”^{19.3}, всё же образуется.

На этом пока кончу. Следующее письмо пришлю уже из Дрездена. Прилагаю не лишнюю интереса вырезку из вечерней, право-социалистической газеты. Кто автор – не знаю. Всего лучшего. Привет всем. Горячо вас любящий А. Чупров

Письмо № 20. Дрезден, 1 сентября 1920 г.

Dresden – Strehlen, Friedrich-Augustplatz 9^{III} (bei E. Dietzel)

Дорогой Константин Николаевич,

Добравшись до Дрездена, водворился я в тихом хосписе [Hospiz, нем., гостиница] и принялся искать себе жилище более прочное. Поместил в газете объявление, которое средактировал так удачно, что предложения посыпались десятками; всего получил полсотни офферт [Offerte, нем., предложение]. К сожалению, ни одного такого, о каком я мечтал, – ни одной меблированной квартирki. С квартирами и в Дрездене так же туго, как и в прочих местах. Осматривая предложенные комнаты, оттопал себе за эти дни все ноги. Подходящего было очень мало. В конце концов нашел всё же две недурных светлых комнаты, окнами на юго-запад в третьем этаже дома, стоящего на обширной площади. Положение само по себе недурно, вблизи Гроссер-Гартена, но далековато от центра города: ходу хороших полчаса. Неприятно, что освещение не электрическое: газ, – рожок посредине комнаты. Для работы за письменным столом, боюсь, маловато. Хозяйка обещала, впрочем, принять меры. Она кузина боннского экономиста, проф. Дицеля^{20.1}, очень своим гехеймратом [Geheimrat, нем., тайный советник] гордится, и, видимо, довольна получить в жильцы товарища своего феттера [Vetter, нем., двоюродный брат] по специальности. Ну, посмотрим. Если окажется для глаз очень плохо, можно и снова переселиться. Цена: за самые комнаты двести двадцать пять марок в месяц, за освещение – двадцать пять, за услужение – тридцать в месяц, за белье – две с половиной марки в неделю. Отопление и еда, смотря по расходу. С отоплением, вообще, очень трудно, – уголь рационирован, отпускается его очень мало, приходится добывать окольными путями. Хозяйка, однако, обнадеживает, что морозить не будет.

Пока кончу. Завтра, переехав, напишу пообстоятельней. Сейчас тяжело с глазами. Я был здесь [у] окулиста, у которого консультировал[ся] в 1912 г. Он, несмотря на давность, меня тотчас же признал, но на этот раз глаза мои уже не хвалил как тогда, а, напротив, сказал, что зрение сильно ухудшилось за эти годы и велел беречь. Прописал новые очки, притом разные для работы и для улицы. Сегодня эти новые очки готовы, я сейчас уже в них, и с непривычки утомительно.

Всего хорошего. Привет всем. Любящий Вас А. Чупров
Пробегите прилагаемую вырезку: кое-что не лишено
пикантности. Очень интересны рассказы вернувшегося из Москвы
[?]иштмана (нез. [независимый?] союз), но они до Вас, наверное,
дошли.

Письмо № 21. Дрезден, 6 сентября 1920 г.

Повторен адрес, см. Письмо № 20

Дорогой Константин Николаевич,

Проводил сегодня Остр. [Остроухова, см. Прим. 8.2]. Провел он у
меня три дня, походили мы с ним по городу, побывал он в галерее,
сводил я его в оперу. Отбывает теперь, некоторое впечатление от
Дрездена получив. Я отправил с ним письмецо Петру Берн.
[Струве], которым и был занят эти дни, поскольку не
демонстрировал Дрездена П. Ал. [Остроухову].

Устройством своим я пока доволен. Затратив немало энергии на
поиски, выбор сделал, кажется, удачно. Комнаты чистые, светлые,
удобно меблированные. Есть солидный письменный стол, дан
специальный небольшой столик для машинки. Тишина в квартире
полная, – кроме меня и хозяйки, которая возится почти весь день в
кухне, никого в ней нет. Хозяйка очень заботлива, видимо будет
пещись обо мне, как о своем гехеймрате – феттере. Попробовал я
дома ужинать и остался так доволен, что одну трапезу буду брать
дома регулярно, а затем, быть может, перейду и на полный
пансион, если кормление будет продолжаться и впредь на тех же
основах, как сейчас. В первый вечер получил спагетти,
приготовленные, конечно, не по-итальянски, но всё же чрезвычайно
мне приятные. Оказалось, что привезла хозяйка их из Бонна от
феттера, который такой же любитель Италии, как мы с Вами.

Есть в квартире и неудобства. Одно из них – Вы оцените его –
стеснительный доступ “к дереву”: приходится проходить мимо
кухни, где всё время возится хозяйка. Другое – столь же
существенное, если не более: освещение. Если этого не удастся
устроить как следует, то как бы ни пришлось переселяться на
другую квартиру. Думаю, впрочем, что, так или иначе, но будет
улажено. Я было рекомендовал поставить мне на стол спирто-
калильную лампу, но, оказывается, нелегко добывать спирт.

За настоящую работу так всё пока и не удастся приняться.
Только перебрался, подъехал Остр. Теперь надо будет заняться
письмами, оповестить всех о новом адресе.

Нервы в Дрездене отдыхают, но чувствую себя я всё же неважно.
Берлин вместо обычной летней передышки дает-таки себя знать.
Очень легко устаю, спина разбалливается. Вообще, попав снова в
старые места^{21.1}, очень осязательно чувствую, насколько за эти
годы постарел и телом, и духом. Коли работа пойдет, это соскочит,
конечно, а то настраивает несколько меланхолически.

Передайте, пожалуйста, Бор. Ал. [Никольскому], что Волков
несколько задерживается в Лондоне. Всего хорошего. Привет всем.
Любящий Вас А. Чупров

Обратите внимание графа на пятипфенниговую марку на
конверте. Окраска не та, как обычно.

Письмо № 22. Дрезден, 11 сентября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Не догадавшись пройти на почту, очень скучал без вестей о Вас. Завтра теперь всё вытребую.

Поздравляю с новосельем. Дай Бог, чтоб переезд на новую квартиру внес хоть небольшую перемену в настроение. Боюсь, что в противность Вашим мечтаниям Вам таки придется посидеть на ней, не так еще скоро отпустят Вас на покой в Германию.

А если бы это случилось, решительно советую избрать своей резиденцией не Берлин, а Дрезден. До Берлина отсюда рукой подать, а дышится здесь бесконечно легче. Эти годы сказались, конечно, и на Дрездене: поистошал, пообнищал. Но того развала, как в Берлине, здесь не чувствуется. В Берлине царят самодовольный шибер [Schieber, нем., спекулянт] и озлобленный спартакист^{22.1}; стиснутое между ними бюргерство сплющено материально и морально, утеряло веру в себя, в свое будущее, в те устои, на которых строило свою жизнь и работу.

В Дрездене нажим снизу не менее силен: безработица растет с недели на неделю, и безработные непрерывно устраивают демонстрации, сопровождающиеся разгромом лавок, потасовками и даже перепалками. Приятности существования это, конечно, не поднимает; третьего дня был, например, ранен шальной пулей музыкант из оперного оркестра, возвращавшийся на трамвае после спектакля домой. Но пока еще не сломлен общий тон жизни, – деловой, рабочий, по-старому ценящий трудовую дисциплину. Берлин производит впечатление, что население его исчерпывается двумя группами. С одной стороны, уверенные, что их-то не поймают, жулики большого размаха – нахалы, а с другой – мелкие жулики, вечно трясущиеся и робко оглядывающиеся по сторонам. В Дрездене такого впечатления совсем не получается.

Должен, конечно, оговориться: дрезденские впечатления мои чисто внешние. Из местных обывателей я пока не видал почти никого и глубже заглянуть в их душу не мог. Не подлежит сомнению, что общая жуть положения гнетет и их не менее, чем берлинцев, а по части недоедания здесь, по всем видимостям, приходится еще туже. Но такой сломленности, несмотря на всё, здесь еще нет.

Своим устройством я пока очень доволен. Вопрос об освещении после ряда экспериментов, предпринятых заботливой хозяйкой, разрешился блестяще: на стол водворена добавочная газокалильная лампа, которая может гореть одновременно с висячей и дает света более, чем достаточно. По вечерам продолжаю кормиться дома, неизменно с полным успехом, – получаю как раз такой кошт, какого [какой] для вечерней трапезы мне надо. Принялся вплотную за предисловие к книге отца [Чупров А. И. (1904)], корректуру которой, сразу все девять листов, мне уже доставили. Надеюсь на будущей неделе управиться и перейти к другим своим работам. Вчерне статью почти закончил, но не совсем ей доволен, придется еще повозиться над отделкой. Так хотелось бы для контроля прочесть ее Вам раньше, чем отдавать в печать!

Всего хорошего. Привет всем. А. Чупров

Всё забываю покаяться: получил я с [нрзб]киным, – *Слово* интересуется не одним суворинским изданием, как я было понял, а вышедшим у Суворина шеститомным изданием Литер. Фонда^{22.2}.

Письмо № 23. Дрезден, 13 сентября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Вчера почта оказалась закрыта. Сегодня получил газеты и письмо. Спасибо за интересные вести. Почти одновременно передал мне о Вашем разговоре с Л. [Ляцким] и Гессен, спрашивая, как мое мнение. Вот что я ему ответил.

Вопрос, конечно, очень важный, но сложный. Насколько конкуренция *Сев. Огней* опасна, было уже достаточно видно (Виноградов, Кейнс, Аррениус). По части приобретения авторских прав *Огни*, пока будут гореть, будут и впредь бить своей валютой *Слово* почти без промаха. Если имеется шанс устранить это, прямой расчет приложить все старания. Интересы стоят на карте крупные, крупнее, чем в переговорах с Зем. Союзом. Нельзя пренебрегать и возможностями сбыта в Стокг. В особенности для первого времени это может заметно облегчить существование *Слова*. Соблазнов, таким образом, много, но, если пойти в соглашении очень далеко, то немало и рисков. До полного слияния интересов и общего ведения дела, на мой взгляд, правильнее не доходить. Должен признаться, я сильно опасаясь, что *Сев. Огни* не окажутся неугасимыми, а сверкнут как северное сияние и потухнут.

У Л. [Ляцкий, см. Прим. 15.1] имеются ценные для такого предприятия свойства. Большая, даже чрезмерная инициатива; настойчивость в уловлении нужных ему лиц, переходящая почти в прилипчивость, но для дела весьма полезная; легкость собственного пера, не сопряженная с особым талантом, но позволяющая уснащать издания требующимися предисловиями и примечаниями. Как сотрудника в издательском предприятии, – под неослабным присмотром, – я бы Л. очень ценил. Но как хозяин, самостоятельно направляющий операции и распоряжающийся средствами, он мне, скажем, не импонирует. Я почти уверен, что если не вывезут снова случайности конъюнктуры, то предоставленный ему капитал он быстро пропустит, запугает всё и издательство окажется на мели.

Соглашение и должно составить так, чтобы в случае, если Л. посадит *Огни*, не село вместе с ними и *Слово*. Да и помимо того, крайне трудно осуществить полное хозяйственное слияние при такой резкой разнице в масштабах расходов. Всё сводится в конце концов к формам соглашения. Думаю, что при охоте не так уже трудно найти подходящую конструкцию. Хозяйственная и финансовая самостоятельность своих предприятий, на мой взгляд, безусловно должна быть сохранена, взаимное же участие в размерах, достаточных для замещения одного места в аупфизхтсрате [Aufsichtsrat, нем., наблюдательный совет], представлялось бы мне скорее желательным для *Слова*.

Разграничение сфер интереса представит, конечно, немалые трудности: принцип, намечаемый в пункте первом Л., решал бы

задачу лишь при полном финансовом слиянии, когда всё сводилось бы к распределению типографских работ. При сохранении самостоятельной индивидуальности обоих предприятий трудность не в выборе места печатания, а в приурочении к тому или другому из издательств. (Для Л., работающего с капиталом шведских типографий, есть здесь, впрочем, свои трудности и свой расчет: соглашение со *Словом* ему отчасти, быть может, для того и нужно, чтоб иметь возможность передавать типографские работы на сторону.) Наметить для распределения изданий твердые общие основы едва ли возможно, придется решать от случая к случаю, выработав подходящие для сего формы. Расчет для обоих издательств не подрывать друг друга конкуренцией так осязателен, что, думается, всегда удастся стовориться, даже если и вовсе не будет взаимной финансовой заинтересованности.

Имеете ли Вы точные представления о том, кем внесен капитал *Сев. Огней* и внесен ли он действительно в том размере, как говорит Л.? Если он получил в распоряжение пятьсот тысяч крон, то на эту сумму, конечно, можно похозяйничать. Но если внесена только небольшая часть, а остальное более или менее обещано, то легко может случиться, что, когда он израсходует отпущенное, подлинные хозяева дела начнут увиливать. Гессену мне резче о Л. писать не хотелось, но, как Вы знаете, мне Л. совершенно не внушает доверия как компаньон в деле. Я считаю, что *Слову* нужно вести переговоры очень осторожно к такого рода соглашению, чтобы предприимчивость свою Л. продолжал и впредь.

Против слияния есть и еще одно, в сущности решающее, обстоятельство: на него не пойдут Ульштейны, для которых весь интерес в том, чтобы иметь свое русское издательство.

[Конец письма, видимо, отсутствует.]

Письмо № 24. Дрезден, 15 сентября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Ваше аэрописьмо очень взволновало меня. Конечно, рате иннингст аб [rate innigst ab, нем., самым решительным образом отговариваю], – без колебаний, но не без горечи.

Г., разумеется, прав, назначая Вас, как прав и Сл.: никто не даст там того, что дали бы Вы. Задача же, действительно, исключительной важности и исключительной трудности. И Вам самому напряжение такой работы в такой обстановке доставляло бы интенсивное удовольствие. Но всё же еще более, чем Г. и Сл., правы Вы. Для того, чтобы поднимать Варшаву, надо быть Сав. [Савицким] или Род. Без веры нельзя за это браться. Вести же там линию не Сав-ско- [нрзб] р-скую, а собственную, русскую не будет ни объективной, ни субъективной возможности. Как и Вы, я счастлив, что большевикам не удалось смять Польшу. Но, несмотря на всю тревогу за Крым, я считал бы величайшим для России несчастьем, если бы поляки снова перешли в наступление за пределы предустановленной для них территории. Если Крым может быть спасен лишь походом Пильс. [Пилсудского] на Киев и Смоленск, я, право, не знаю, чего и желать. И дело не в тех условиях, каких могло бы добиться дипломатическое искусство, не

в тех гарантиях, какими оно могло бы обставить соглашение, а в самом голом факте. Я лично не чувствовал бы для себя никакой возможности действовать в Варшаве об руку с Сав. Ай фир [I fear, англ., боюсь], что таковы и Ваши настроения. А тогда колебаний быть не может.

С другой стороны, как ни тягостен вялый темп теперешней Вашей работы в Ст. [Стокгольме], здесь Вы стоите на страже определенных русских интересов, которые остались бы с уходом Вашим без охраны. Не только потому, что не нашлось бы равносильного Вам преемника, но уже потому, что какому ни на есть преемнику просто не удалось бы утвердиться на Вашем престоле. Вы, – лично Вы, – в Стокгольме такая заручка, бесспорную ценность которой для России дозволительно принести в жертву лишь определенно большему, а не теперешним польским перспективам.

Убежденно рате, таким образом, аб. А в то же время жаль. Жаль той напряженно-интересной деятельности, которая ждала бы Вас, жаль тех плодов, какие она всё же могла бы, быть может, дать.

Письмо Ваше дошло очень скоро, хотя и было вскрыто, потому ли, что заказное, или как шедшее по воздуху, не знаю. Остальные Ваши письма доходили все не читанными по пути.

Я живу здесь не худо и чувствую себя много лучше, чем в Берлине, хотя полной бодрости всё нет. Заканчиваю вводную статью к отцовскому *Мелкому земледелию*, вычитываю корректуры чрезвычайно быстро набранной книги (и, добавлю, очень хорошо набранной). К концу недели рассчитываю с этим развязаться. Примусь тогда за изучение развития систем организации здешнего внешнего товарообмена^{24.1} и, помаленьку, за свою математику. Рукопись свою я получил давно и тогда же благодарил Вас, – похоже, письмо затерялось на пути. Дошла вполне благополучно, и, к радости моей, оказалась не в черновом, а в очень исправном виде, так что цель перестрахования, ради которой я ее оставлял в Христиании, оказалась вполне достигнутой.

Последние дни погода была у нас получше, дня два было даже совсем хороших. Очень я оценил тут свое место жительства. В город я иду отсюда через Гроссер Гартен, – прогулка очаровательная. А в другую сторону сейчас же выходишь в поля и быстро добираешься до холмов, очень здесь еще невысоких, но всё же делающих прогулку занимательной. Хозяйка чрезвычайно внимательна, отлично кормит по вечерам. Взимает за еду, смотря по расходу, около пятнадцати марок в день (за утренний фрукост [frukost, шведск., завтрак] – чай, хлеб с мармеладом и два яйца – и за ужин). Привезенное Остр. [Остроуховым] шведское масло очень трапезы скрашивает. Прямо объедаюсь здесь фруктами. Скажите Федору, что превосходные и вполне наглядные груши я покупаю за 15 эре [1 шведская крона = 100 эре] килограмм, а за двадцать эре [за] кило получаю такие, какие в Ст. [Стокгольме] продаются уже поштучно.

Всего хорошего. Привет всем. Горячо любящий Вас А. Чупров

Письмо № 25. Дрезден, 16 сентября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Правильно и достойно, превосходно по существу и по форме. Пару резких выражений – вековых врагов ляхов, кое-что в фразе о Дем. – Ваш придиричивый предварительный цензор уговорил он Вас, вероятно, изменить, но это пустяки. В целом великолепно. И в данном случае не приходится жалеть труда, затраченного на то, чтоб “не дать сделать”. Неделание здесь более, чем когда-либо, внешность, по сути же это делание, и крупное.

Было вскрыто, но едва ли читано. Вскрывают, ведь, теперь не для цензуры, а ради контроля над финансовою операций – и это Ваше письмо. Свое посылаю простым, не заказным. Простым же, но отдельно, посылаю черновик Ваш, на всякий случай перестучал копию. Если дойдет благополучно, копию от греха уничтожу. Если же пропадет, вышлю копию Вам.

Всего лучшего. Горячо любящий Вас А. Чупров

Письмо № 26. Дрезден, 20 сентября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Не знаю, доходит ли до Вас новая русская газета (*Воля России*), которую начали на этих днях издавать в Праге с.р.-ы. [социалисты-революционеры, эсеры]. Какой-то неведомый благодетель высылает мне ее по берлинскому адресу, откуда она досылается и сюда. Впечатление грустное. Жизнь, видимо, столь же малому научила эту группу, как и некоторых из правых. Но попадаются в газете и не лишённые интереса материалы, которые могут быть полезны. Газета ведет с равной энергией борьбу на два фронта, против Врангеля и против большевиков. Из того, что относится к Крыму, пока ничто особого внимания не заслуживало, – больше рассуждения и декламация, чем факты. Из отдела же антибольшевистского кое-что любопытно. В частности, мне кажется, прилагаемые две вырезки могли бы быть поучительны и для шведов.

В субботу отправил Гессену вычитанные мной корректуры отцовского *Мелкого земледелия* и мою вводную статью. Статья вышла великонька, почти лист печатный. Но как будто дальше сжимать было бы уже трудно. Чуть ли этим Ваше издательство не будет [чуть ли не этим ... будет] и дебютировать. Я был бы очень доволен.

Хотелось мне всё послать Вам с Бор. Ал. [Никольским] рассказ о своих первых германских впечатлениях, который я направил на юг. Разделавшись с *Мелким земледелием*, я было взялся за переписку. Но, когда перечел, не захотелось посылать почтой. Кто ее знает, как оно показалось бы читателям, на которых не рассчитывал.

Сейчас стоит у нас отличная погода. Вчера, правда, снова проскочил дождливый день, но сегодня так хорошо, что в Стокгольме за это и в июле бы можно небеса благодарить. Разница широт сказывается всё-таки очень осязательно.

Житьем своим в целом доволен. Только газовая лампа, водворенная, как я Вам повествовал, на стол, оказалась источником не одного лишь света, но и весьма неприятно обоняемого газа, просачивающегося через кишку и отравляющего мне воздух.

Насколько оно объективно вредно, судить пока не могу, но субъективно очень неприятно, так что не миновать дальнейших реформ. Боюсь, не пришлось бы добавочную лампу вовсе убрать и вернуться к не вполне достаточному свету одного висячего рожка.

Что подельывает Линд? Как обстоит по части расчетов моих с ним за сделанный в Москве заем? Я уже начинаю бояться, не расстроился ли заем в конце концов.

Всего хорошего. Привет всем. Любящий Вас А. Чупров

Письмо № 27. Дрезден, 29 сентября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Новый оборот поездки на Вислу-реку очень меня радует. После Ваших решительных принципиальных писем такое приглашение передает всё в Ваши руки. Это делает задачу не менее трудной, но совсем по иному интересной. Боюсь, как и Вы, что общие условия не позволят достичь больших непосредственных результатов. Но громадную ценность теперь же представит Ваше суждение о том, что там творится, и еще бóльшую – то, что в эти критические моменты, от которых, возможно, очень многое будет зависеть впоследствии, за Россию будет действовать и говорить человек, чувствующий ответственность перед народом и ее не страшщийся, как не страшщийся и иного рода ответственностей.

Радуюсь за Россию, рад и за Вас. Напряжение предстоит, конечно, огромное; неприятностей будет без числа. Но задача крупная и деятельность захватывающая. Неприятности Вас не пугают, деловое же напряжение, даже само по себе, независимо от конечных результатов, то же для Вас, что для меня мои формулы. Только тут и чувствуешь, что живешь.

Очень было бы хорошо, если бы Вы забрали с собой Сл. [Слепцова]. Реакция его на Ваше зондирование чрезвычайно огорчительна, чтоб не сказать иного слова. Мне бы казалось, что Вы не должны с ней считаться. Его поездка нужна не только ради Вас, она полезна для дела и еще полезней для самого Сл. Лондонской атмосферой он упивается, но не впрок ему это идет. Живя в большевизии, он рос, здесь он маринуется. Прописывать ему снова большевию как курорт было бы, разумеется, жестоко. Но Варшава не советский Петроград, а польза от работы с Вами на берегах Вислы-реки будет ему такая, что стыд и глупость цепляться за “красоту” лондонской жизни. Посему, сделайте над ним небольшое насилие: ответьте ему его фразами о патриотизме и жертвах, а Гирса^{27.1} уведомьте, что желаете взять Сл. с собой. Несчастливого же страдальца утешьте тем, что поездка, даст Бог, будет не на очень долгий срок и что в Варшаве любезной его сердцу красивой жизни и посейчас хоть отбавляй.

О вторичном отказе Бор. Ал. [Никольский] сообщил мне. Слов не найдешь! Ну, да поплачут еще, и как! Должен Вам сказать, что у меня складывается очень определенное убеждение, что Франция – страна конченная. Еще несколько времени французы поглумятся над Европой, а затем – слют [slut, шведск., конец]. В то, чтоб они своевременно могли одуматься, я окончательно утрачиваю веру.

Зависимость от этих друзей очень неприятный элемент Вашей новой задачи. Там их власть будет чувствоваться еще мучительней, чем сейчас, и нужно будет всё Ваше искусство, чтоб сохранять самостоятельность не нарушая отношений.

Спасибо за *Таймсы*, за шведские вырезки, за Саблинское^{27.2} сообщение. Последнее из рук вон слабо; ежели это плод трудов Вал. Вас., то вот Вам новое доказательство, что пора ему переменить место службы.

Остроухов пишет, что в Будапеште “натолкнулся на Прикл., который встретил массу друзей и очарован обхождением с ним”. Значит, состоялось-таки назначение? Я встретил здесь на днях на улице Скерста, приезжавшего навестить родных. Так как большого знакомства у нас с ним не было, то ограничились полутораминутной беседой.

Живу здесь помаленьку. Чувствую себя всё время не вполне важно, но, надо думать, обойдется. Принялся за вопрос о контроле над внешним товарообменом в Германии^{27.3}. Начал ходить в Геештифтунг^{27.4}, вычитываю журналы и иные материалы. Тема интересная и жизненная, но работы потребует больше, чем я первоначально думал: материал не подработан еще немцами, и приходится проделывать самому всё с начала. Пока этим всецело и занят, когда же втянусь и поставлю на рельсы, часть дня стану уделять формулам.

Меморию Касселя^{27.5} посмотреть было бы любопытно. Был бы очень признателен, если бы доставили к тому возможность. Всего доброго. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 28. Дрезден, 5 октября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Большое Вам спасибо за успокоительные пояснения касательно судьбы занятых Линдом ленинок^{28.1}. Что можно через Линда же попытаться доставить еще, я, признаться, тогда не взял в толк, потому и стал списываться с Волковым. Но, по-видимому, В. задерживается. Если увижу, что он не скоро двинется, то очень буду просить Вас попробовать снабдить моих дальнейшими средствами через Ник. Ив.

Чувствую, как тяжело Вам Слепцовское отношение. Очень грустно за него. Уклон в эту сторону чувствовался у него и ранее, но хотелось думать, что это пройдет, когда станет позрелее. Ибо, несмотря на не такой уже юный возраст, в нем всё еще было много ребяческого, а рисовка цинизмом принадлежит к числу довольно частых у нас “детских” болезней. Но сейчас это уже не поза, а, к сожалению, tiefer Ernst [нем., глубокая серьезность], тем более огорчительный, что в отношениях с Вами щеголять такой “зрелостью” ему совсем уж не к лицу. Совет свой – тащить против воли – беру обеими руками назад. После лондонской школы, при таких настроениях, он был бы Вам только обузой и, пожалуй, даже помехой, так как норовил бы гнуть не ту линию не только в личных отношениях с окружающими (мужик – премьер, соц. – министр, каково это лондонскому снобу), но и в политике, и приходилось бы больше тратить сил на то, чтоб вводить его в оглобли, чем

сберегалось бы их благодаря его сотрудничеству. Ну, Бог с ним. Пусть себе блаженствует, пока не наступит “катастрофа”. Жаль, что произойдет это, по-видимому, для него уже поздно.

Черновичок – убийствен. В частности, снова сильно отбивает вкус к поездке Вашей на Вислу. Уж очень безнадежно!

Вычитываю сейчас рукопись Савицкого, пересланную мне из Парижа Лунцем для напечатания. Объемистая работа, листов на шестнадцать. Есть интересные мысли, местами ярко изложено. Но в целом очень недоработано и по форме, и по существу. Я сравниваю с хорошей грушей, которой надо было бы полежать еще несколько дней, чтоб “дойти”. Если в нетерпении пустить ее в дело раньше срока, совсем не тот вкус, какой ей от природы присущ. Я бы сказал, что в таком виде, как сейчас, работу следовало бы печатать, если б Сав. внезапно умер. Тогда это был бы красивый памятник его жизни, а так лучше не торопиться. Мне лично, в частности, обидно ограничивать свои заботы об усовершенствовании проставлением запятых. Более радикальной правкой можно было бы существенно поднять цену, но на иное без автора рука не поднимается. Остается лишь порадеть, чтоб не было чрезмерно много опечаток.

Всего хорошего. Поклон Федору и его семейству. Надолго ли уехали граф с графиней? Ваш А. Чупров

Письмо № 29. Дрезден, 12 октября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Сегодня к Вам сразу две просьбы.

По первому делу я, вероятно, уже запаздываю: до Вас добрались прямым путем. Я получил сейчас из териокского карантина^{29.1} письмо от Нины Александровны Струве, жены Петра Бернгардовича, спасшейся (ценой двух миллионов ленинок) из Совдепии с тремя младшими сыновьями. Она стремится теперь к старшим детям в Англию и в Париж и к Петру Бернгардовичу и жаждет виз на проезд через Швецию, на въезд в Англию, во Францию. Я пишу ей, чтоб она обратилась к Вам. На всякий случай вот подробности. Визы нужны для Антонины Струве 52 лет и ее сыновей Константина 20 лет, Льва 18 лет и Аркадия 14 лет. Адрес она указывает Дав. Дав. Гримма – Гельсингфорс, [...].

Другая просьба: переправить путем, который Вы считаете правильным, прилагаемое письмо Савицкому. Я дочитал его работу и решил попытаться отговорить его печатать. Опасаюсь, что ничего из этого не выйдет, кроме огорчения, – надеюсь, не ссор, – но всё же считаю себя обязанным подать ему настойчиво такой совет. В работе много ценных мыслей. Если доделать, он сразу создаст себе имя, если же выпустить в теперешнем виде, то девять шансов на десять, что кроме неприятностей ничего не пожнет.

Нина Ал. передает мне привет от товарищей, ближайшим образом от Влад. Эд. Дена. Пишет, что живет он “сейчас гораздо лучше, чем в прошлом году, так как получает ученый паек и большое жалованье”. Может даже прикупать к тем четырём фунтам масла в месяц, которые, между прочим, входят в ученый паек, и еще масла по семь тысяч рублей за фунт. “Питается очень хорошо”.

“Читает в восьми учреждениях и везде получает еще пайки, небольшие, правда. Успевает и работать, вообще ведет деятельную жизнь”. Про другого моего близкого товарища пишет, что он “большой оптимист и верит в хорошие времена, имеющие скоро наступить, – особенно последнее время”. Сообщает, что моя библиотека “пока благополучно” в моей квартире.

У нас здесь в Дрездене бастуют сейчас городские рабочие. Трамваи не ходят, на улицах мрак. Полумрак в квартирах, так как электричество совсем не действует, а газ – еле-еле. Вода пока дается. Меня до сих пор это не очень затронуло, так как газ, хоть и слабовато, но еще светит, да у запасливой моей хозяйки имеется на всякий случай и керосин в резерве. Досадно только, что пришлось перебить вечернюю работу в библиотеке, так как путешествовать туда и обратно пешком по темному городу нет расчета. А обедать днем хожу в город и возвращаюсь оттуда пешком. Но это, в сущности, одно удовольствие, так как погода стоит у нас превосходная. А путь мой идет через Большой Сад^{29.2}.

Здесь установились осенние солнечные дни. По ночам холодно, но днем солнце пригревает так, что я даже беру форменные солнечные ванны. Одна из моих комнат – с балконом, выходит на большую площадь, так что нет визави. Когда я прихожу домой после обеда, солнце светит прямо в комнату, и я имею возможность, никого не смущая, разоблачиться и расположиться в адамовом костюме на кресле, отодвинув его для вящей верности немного в глубь комнаты. Дает это мне большое удовольствие и осязательную пользу: я почти выжарил таким порядком привязавшиеся ко мне ревматические боли в плечах. Заметно стало легче, а то изрядно-таки побаливало, когда ворочал голову.

Собирался на этой неделе в оперу, где идет Ринг [Вагнера], но из-за трамваев, похоже, попасть не придется.

Всего хорошего. Привет всем. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 30. Дрезден, 20 октября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Несказанно порадовали вы меня длинным письмом с рассказом о “тильдрагельс”-ах [tilldraga, шведск., направление внимания на себя]. Оно перенесло меня на уютный страндвегенский диван^{30.1}, и я живо почувствовал себя в непосредственной близости Вашего письменного стола. Спасибо за Касселя. Должен ли я поспешить вернуть его или разрешается не торопиться? Рафаэля Жоржа Лепи [?] не пересылайте, – жаль труда Вашего на упаковку. С меня достаточно Вашего суждения и тех представлений, которые сложились по выдержкам в газетах. По существу он не дает интересного, а настроение французские мы, увы, и без него хорошо знаем.

Очень приятно мне, что Вы согласны с моим советом Сав. [Савицкому]. Чувствую по письму Вашему, что я-таки переложил остратки. Не очень вините меня за это. Я сознавал, что местами резковато, но не стал смягчать, а сервировал так, дабы понял с ясностью, подо что рискует подвести себя в случае печатанья. Надеюсь, что с Вашей помощью дело обойдется без чрезмерной на

меня обиды. Досадно было бы, если бы он не только огорчился, но и разобиделся.

С Кер. действовали Вы так, как представитель России, – а не той клики, которую представляют дипломатические снобы, – должен был действовать. От снобов же Вы за это, как и за многое иное, похвалы, конечно, не получите.

Очень грустно, что и на новой квартире приходится Вам зябнуть. А мне повезло по этой части. Похвалившись Вам солнечными ваннами, я погоду сглазил. Задул северный ветер, дня два было серо и перепадал дождь, затем прочистилось и установилась опять ясная солнечная, но очень холодная погода. По ночам морозит, да и днем, хотя солнце и греет, но не только уже не откроешь двери на балкон, но пришлось начать подтапливать печку, пока только в кабинете и через день, так как нагревает при нынешних температурах на улицах достаточно на два дня обе комнаты.

В библиотеке Геештифтунг^{30.2} совсем было замерз: читальных помещений там не топят из-за необходимости экономить уголь. Думал, что придется прекратить посещения и таскать всё на дом, но затем выяснилось, что можно пристроиться в комнате, где сидят библиотекари. Тут, правда, несколько суетливо, но зато тепло, а мне не касающиеся меня разговоры не особенно мешают работать.

С устройством мне вообще посчастливилось. Вложенный в поиски помещения труд окупается десятирицей. Хозяйка моя хозяйственна до чрезвычайности, имеет повсюду добрых знакомых, через которых добывает, откуда масло, откуда яйца и т. д., и, вместе с тем, очень заботлива. И стряпает отлично, так что я и обедаю теперь четыре дня в неделю дома: обходится не очень дешево (обед около пятнадцати марок), но зато вкусно и до полной сытости, чего о еде на стороне не скажешь. Разумеется, и в ресторане можно пообедать сытно и вкусно, но тогда уже надо доводить расход марок до тридцати, коли не выше.

Пробегите прилагаемую вырезку про биографию Дост. [Достоевского?]. Довольно занятно, – и то, о чем говорится, и то, как говорится.

Очень огорчили англичане и меня, но я еще не теряю надежды, что оправятся, не дав зайти слишком далеко. А как Вам нравится та шпиговка, которой подвергают французов и англичане, и итальянцы, – друг Ваш Нитти^{30.3}. Поделом! И не то еще будет.

Всего доброго. Привет Вашей “фамилии”^{30.4}. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 31. Дрезден, 27 октября 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Представьте себе: пришло письмо из Москвы от моей младшей сестры, Маруси, на имя моей берлинской сестры^{31.1}. Пришло почтой с обычной старой заказной наклейкой и со старой десятикоп. маркой. Сильно перемарано цензурой, но краска такая, что оказалось нетрудно несколько почистить и на свет удалось разобрать почти всё вымаранное. Кое-что в письме представляет общий интерес, а Вам, по дружбе, будет интересно и остальное.

Посему переписываю, – вымаранное, поскольку удалось прочесть, ставлю между // //.

15 сент. 1920 г. Милая Леля, сейчас с величайшей радостью получили твои письма от апреля месяца. Так приятно знать, что вы живы и благополучны. Ты пишешь, что живется плохо. Но я вижу, что вы еще не извели плохой жизни. Вы начинаете тратить свой капитал, а у нас ни гроша за душой, да две старые тетки, которые уже ни к какому труду не способны. У вас картофель 2 м. [марки] фунт, яйца 2 м. штука, а у нас картофель //..., яйца 3000 р. десяток, масло – 5000 р. фунт, мука – 35000 р. пуд, дрова давно уже были 60000 р. сажень. А жалованье Н. В. (это зять мой Спер. [Сперанский], муж старшей сестры) 8000 р. // а мое по четырем службам // 12000 р. в // месяц.

Вы могли купить бубу [?] велосипед, а мы не можем починить подметок, потому что они стоят // 12000 р. // Так что ваше плохое еще далеко до того, до чего может дойти человек. Впрочем, в главном одно и то же: ты не можешь дорваться до культурной жизни, и у нас в жизни нет почти проблеска культурности. Я-то хоть целый день на службах и там хоть вижу что-нибудь кроме домашности. А вот Ляля бедная (это моя старшая сестра) совсем замотана домашними делами, не имея к тому ни малейшего дара. Теперь и ей придется поступить на службу, но я думаю, что ей станет даже немного легче: на службе нет-нет, да и можно присесть, а по дому вертимся, до постели не присаживаясь.

С ужасом смотрю, как надвигается зима. Впереди стоит кошмар голода и, главное, холода. Эти проклятые печурки, которые выедают глаза копотью, и колка дров на все печки! Центрального отопления опять не будет. Все кругом старые и слабые, одна я на тяжелые работы. Вечное тасканье на плечах тяжестей, и колка, и ношение дров на четвертый этаж, а нанять прислугу никакой возможности. Сейчас всё это чувствуешь особенно остро, п. ч. [потому что] только недавно приехала из деревни, где московские заботы как-то отходят. Потом опять втянешься и найдешь известное равновесие духа и какие-то способы жить. А пока кажется, что уже эту зиму никак не пережить.

Отпуск свой я пробыла в трудовой артели. Трудиться приходилось очень много, по одиннадцати часов в день, а толку не будет почти никакого // п. ч. в России почти повсеместно неурожай // Надеюсь получить только 12 пудов картофеля, но на нас четверых это очень мало. Потом ездила на две недели на Штепец (местечко в Курской губернии, где у родственников живет одна из опекаемых Марусей старушек-теток). // Там полный неурожай всего, кроме яблок // Несмотря на это, я Машу пока оставила там, т. к. тут нам вовсе не вытянуть. Потом съездила за Юлей (это другая тетка), которую я на лето отправляла к кормилице Анюте в деревню. Удалось ее привести благополучно, хоть это было очень трудно. // В Тульской губ. тоже голод, так что Юле там больше оставаться было нельзя //.

Всё-таки не всегда мы живем так мрачно. Летом, несмотря на работу, мне жилось получше. Осенью в виде праздника был съезд физиков, где я и людей повидала, и послушала кое-чего хорошего. Сегодня получили твое письмо, а неделю назад получили от Саши чемодан с вещами. Это была необычайная радость. Посмотрели бы вы на Лялю, с каким восторгом она вынимала вещь за вещью! Но особенно было приятно, что люди живы и что возможны становятся сношения. Получили мы чай, кофе, мыло, башмаки, чулки, шоколад, мелочи для шитья. Уже и не знаю, что было приятнее! Башмаки чудные, только велики и слишком великолепны и на меху, т. ч. их можно носить лишь зимой (а ведь с ног-то свалилось всё). И стоят башмаки, наверное, ужасно дорого. Жалела я, что не могла снять моментальной фотографии с Ляли, так она хорошо радовалась, и так трогательно прижимала к груди вещь за вещью. Моя радость была не так непосредственна, п. ч. это я добывала чемодан и еле доволокла его от Красных Ворот в руках.

Остальное же всё печально. Н. В. всё хворает, у него повторяются нервные боли в спине, так что он бóльшую [большую?] часть времени лежит. Ляля за полтора месяца в Мецкерском ничуть не отдохнула. Юля еще послабела. Маше живет ужасно. Одна я поправилась и чувствую себя недурно, хотя тоже здорово постарела. А сегодня узнала, что моя дорогая Катя (это – ближайшая приятельница моей сестры, ее подруга с детства, с которой они вместе учились) приговорена к двум годам арестантских рот за какие-то разговоры на базаре. А у нее трое малых детей! Прямо не знаю, как быть. Надо бы ехать к ним на помощь, а как я брошу всех моих здесь?

Сравнительно недурно сейчас живут Амфитеатровы (младшие сестры Ал. Вал., Вам известного^{31.2}; одна из них вышла замуж за мужика, и они водворились на даче-огороде под Москвой около Кунцева). Хлеб у них не родился и они продают последние подушки на покупку хлеба. Но родилась масса яблок и хороший картофель, если его не отобрали [!], – я их не видала три недели. Я теперь частенько к ним шагаю и это моя единственная отрада в жизни. Четыре часа прошагаешь, – и там, а уж они, знаешь, как встречают.

Вот, дорогой Константин Николаевич, картинка тамошней жизни! Жутко. Про деньги, полученные от Линда, Ник. Вас. сестрам, похоже, не сказал, чтоб, почувствовав себя “богатыми”, не начали делиться с более нуждающимися. Оно, может, и правильно, но, с другой стороны, чувствовали бы хоть несколько бодрее себя, если б знали, что имеется резерв. Написано письмо по старой орфографии, только без твердых знаков.

О себе писать сегодня уже не буду, да, собственно, и нечего. Жизнь идет тихо и ровно без малейших тильдрагельс-ов. Утро сижу за работой, около полудня выхожу в город обедать или просто прогуляться, когда обедаю дома. Под вечер направляюсь в библиотеку Геештифунг, и так день за днем. Время проходит

совсем незаметно, течение его замечаешь ближайшим образом по текущему счету, который в марках течет-таки быстро.

Всего хорошего. Поклон всем. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 32. Дрезден, 21 декабря 1920 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Телеграмма Г. [Гирса, см. Прим. 27.1] Вас, полагаю, не удивила: на Ваше требование телеграфного ответа иного отклика и быть не могло. Любопытно, с какой стороны Г. попробует теперь подойти к Вам. Легко Вас не выпустят. Среди их assets [англ., актив, имущество] Вы одна из крупнейших статей. Почувствовав, что Вы не шутите, начнут теперь шевелиться.

Вчера получил письмо из Москвы от младшей моей сестры, Маруси. Опять почтой с десятикопеечной маркой. Шло на этот раз долго, два месяца. Писано в середине октября, месяцем позже первого [письма], а пришло двумя месяцами позже. Настроение еще более тяжелое, чем в сентябре. Полная беспросветность, чувство, что зимы не пережить, прямая неохота жить, – даже у полной всегда бодрости младшей сестры. Зять [Н. В. Сперанский] совсем разбит: целыми днями лежит с нервными болями в спине и не в силах работать. Ни он, ни старуха-тетка не в состоянии поглощать то, что идет теперь в пищу. Особенно гнетет ужас надвигающихся холодов. У сестры, кроме, того тяжелое горе: умерла ее ближайшая подруга, об аресте которой за брань на базаре она писала в прошлом письме.

Единственное за всё время отрадное впечатление – весть от тетки, оставленной сестрой на зиму у родных в Курской губернии. В соседней деревне возникает школа повышенного типа, и тетка, большую часть жизни отдавшая этому делу, берется там преподавать. Перспектива вернуться к любимому делу ее оживила, но ей теперь уже за шестьдесят, здоровье совсем разбито, постоянные удушья, и мало надежд, чтоб сил хватило надолго.

Хлеба они в Курской губернии уже с мая не едят, – или, как пишет сестра, не едят^{32.1}. Это письмо написано выдержанно без ъ, местами видно, как рука по старой привычке начинает выводить запретную букву, затем сейчас же поправляется. Похоже, по этой части строго стало. Посылок моих дальнейших не получали еще. В пришедшей особенно большую и длительную радость доставил чай, который берегут как зеницу ока.

Спасибо за рождественский подарок. От сахара, если шведы разрешат, не откажусь, – пригодится мне, да, надеюсь, и Вам. Что касается бисквитов, то для меня это уже излишняя роскошь: мой желудок давно приспособился к здешним хлебам, а кормит меня хозяйка настолько обильно, что в подкреплении между трапезами нормально нужды не бывает. Адресовать посылку лучше всего не на меня, а прямо на хозяйку (Fln^{32.2} Elisabeth Dietzel, [повторен адрес]). Ей уже случалось получать посылки из Швеции от бывших ее жильцов, шли они в прошлом году в форме Liebesgaben [Liebesgabe, нем., подарок] и в таком виде получались совсем просто.

Завтра перебираюсь в Берлин. Так как машинки с собой не везу, то в переписке будет перерыв, ибо наказывать Вас своим рукописанием едва ли решусь без крайности. Должен очень извиниться за невозможный вид моего машинописания в последнее время: лента у меня совершенно сбилась. В Берлине возобновлю запас и следующее письмо, надеюсь, написать уже так, что читать не будет трудно.

На прошлой неделе было простудился, начал мне угрожать мой обычный гайморит (насморк, захватывающий гайморовы полости в скулах). Как раз для Берлина было бы особенно некстати. Но, кажется, обойдется с помощью хинина и усиленной топки. Эти дни хозяйка топила мне комнаты и было совсем достаточно тепло.

Всего хорошего. Godhel [?] очень милой марки. Поздравьте от меня с праздником Федора и его семейство. нежно Вас любящий А. Чупров

Письмо № 33. Дрезден, 4 января 1921 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Вчера поздно вечером вернулся к себе в Дрезден. Устал от Берлина изрядно. Замотался и простудился там, так что чувствую себя сейчас неважно. Очень неудачно устроился на этот раз с отелем. Госпиц на Беренштрассе оказался из рук вон плох, – типа третьеразрядных российских мебелирашек. Тесно, душно, грязно, кухней пахнет и в коридорах, и в комнатах. Единственное отличие – довольно возвышенные цены: за плохонькую комнатку брали с меня тридцать марок. Обстановка была такая, что я совсем не мог спать. Некоторые ночи не спал начисто, в лучшем случае удавалось спать часа четыре. Если бы не поездки к своим на Николасзее и не ночевки там, совсем бы не выдержать. Правда, что, если бы я не путешествовал туда на ночевки, то на второй же день перебрался бы в иной отель, что было бы, в конце концов, разумнее.

Вообще, поездкой я недоволен. Попал я на праздничную сутолоку, народу перевидал много, но почти ни с кем не повидался как следует, – не мог толком побеседовать. Всюду, куда приходил, было праздничное изобилие гостей, и велся впереводку разговор о том, о сём. Хорошо повидал только своих и П. И. Новгородцева, который не успел отбыть из Берлина в Симферополь и сидит теперь за работой над третьим изданием своей книги о кризисе социализма. Хотя мы с ним сильно в основах “мировоззрения” расходимся, но сейчас очень во многом сошлись во взглядах. Темы же его работы отчасти соприкасаются с тем, чем я занят, так что и тут у нас оказалось немало общего. С Гессеном, с Шутяковым, с Каминкой видался неоднократно, но всё на людях, так что порасспросить о “делах” почти не было возможности.

Выпущенные *Словом* издания как будто раскупаются не худо. Жалуются лишь, что не удастся печатать быстрее. Рынок же пока что берет темпом обнадеживающим. План издания *Библиотеки*, о котором Вы мне писали со слов Шутякина, по-видимому изменен. Шутяков^{33.1}, по крайности, говорил мне, что немцы сошлись с ним в критическом отношении к первоначальному замыслу и настояли на переработке.

На Новый год, т. е. первого января, был у Ваших, но и там застал гостей, слышал рассказы о Петрограде недавно выбравшейся оттуда дамы, а Ваших, можно сказать, не видал. Ал. Ам. и не было, – он в отлучке, в Париже.

Поработал несколько в библиотеке в связи с той статьей, которую я переделываю теперь из русской в немецкую^{33.2}. Навел ряд требовавшихся справок и с захватывающим интересом поосвежил мои представления о новейших успехах статистической физики. В этой области за последнее десятилетие потрясающие произошли перемены. Попутно понаметилось у меня кое-что и для Вашего издательства. Разговоров пока об этом ни с кем не имел, отчасти случая не подошло, отчасти не совсем еще отстоялось у меня, отчасти же я предпочитаю подождать пока [не] будет возможность обсудить всё с Вами.

Простите за неряшливое, – не только по внешности писание. Голова работает сегодня вяло, а откладывать реляцию не хочется, тем более, что и не поручишься, будет ли завтра чувствоваться лучше. Боюсь, что пройдет не один день раннее, чем восстановится деловое предпраздничное равновесие.

Всего хорошего. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 34. Дрезден, 11 января 1921 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Спасибо за письмо и за документы. Два из них возвращаю сегодня, а третий (письмо Л. [Ляцкого?]) пошлю завтра отдельно, дабы не раздувать чрезмерно конверта.

Ваше письмо Г. [Гирсу] ласково и твердо, но Г., видимо, так мало понимает Вас, что едва ли и теперь возьмет в толк. Боюсь, что на Вашу телеграмму от 11 янв. получится снова в ответ телеграфная просьба ждать письма.

Против поездки в Ригу возражать не решаюсь. Мне горько, что не выходит пожить нам с Вами тихо за мирной работой в Дрездене, но в таких серьезных вещах это не довод. Должен, однако, повиниться: я не схватываю, чем вызвано обострение Ваших чувств к нашим берлинским друзьям. *Руль* их, на мой взгляд, менее огорчителен, чем можно было ждать. Основной дефект, конечно, остается: трудно стоять у руля, не имея компаса. Но именно то, что они не очень и скидываются, будто обладают надежным компасом, смягчает многое. Проскакивают, конечно, режущие ухо ноты, но я, признаться, опасался худшего. В настроениях с ними мы, разумеется, сходимся далеко не во всём, но личных отношений это не затрудняет и совместной деловой работы едва ли служило бы помехой. Если, однако, у Вас отстоялось такое настроение, то с ним, действительно, трудно начинать совместную деятельность.

Что касается Риги, то независимо от вопроса о дальнейшем жизненном устройстве, есть интерес побывать там, повидать своими глазами, как складывается жизнь в этих новых государствах, которые всё же остаются Россией, понабраться впечатлений и о подлинной России, к которой там заметно ближе. А затем можно и в Берлин – Дрезден перебраться с запасом новых, ценных и для здешнего дела впечатлений и связей.

Но так на поездку и следовало бы смотреть: видеть в ней не поиски жизненного дела, а полу Erholungs-, полу Forschungsreise [нем., поездка для отдыха, поездка с научной целью]. Если бы наклонилось попутно подходящее занятие, то, конечно, не отрешиваться, но не искать во что бы то ни стало. Для того же, чтоб сразу почувствовать себя при деле, поставьте задачей зафиксировать на бумаге свои наблюдения, для начала хотя бы в виде корреспонденции в тот же *Руль*. Когда же впечатлений наберется больше, придадите более законченную литературную форму. Вопрос об окраинах, их вероятном развитии и связанных с ними общероссийских перспективах представляет для нас такую важность, что серьезным наблюдателям Вашего калибра следовало бы давно туда направиться.

Для Вас же по существу это работа привычная, – та, для которой Вы профессионально тренированы, трудность лишь в форме передачи своих размышлений не по привычному адресу, а широкому кругу неведомых лично читателей.

На прошлой неделе я-таки покис здесь: чувствовал себя очень вяло, работа не шла. Сказывались берлинский недосып и простуда. К концу недели поотоспался и работать стало лучше. А теперь почти преодолел и простуду. К сожалению, последние три дня опять скверно сплю: мешает страшнейшая буря, которая свирепствует вот уже три дня. Дом, где я живу, стоит на открытой площади, окна мои выходят на юго-запад, откуда и несет нам ветер с невероятной силой теплый воздух. В печах у меня так шумит, ставни так стучат, что спать трудновато. Зато погода такая, что по здешним местам был бы благодарен за нее в середине апреля, а об эту пору года на такой день, как сегодня, не жаловался бы и в Риме. Нечто прямо совершенно невероятное: десять градусов тепла, солнце. Газоны зазеленели, на кустах понабухли почки, многие деревья выпустили сережки. Просто жутко глядеть, так как оптимистической веры в наступившую на Рождестве весну в сердце нет. Кончится, конечно, тем, что снова хватит мороз и всё загубит.

Всего хорошего. С Новым Годом!

Julklapp'a [шведск., рождественский подарок] жду с раскрытым ртом, но пока он до нас не докатился. Привет графу и графине и Федору с семейством. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 35. Дрезден, 12 января 1921 г.

Дорогой Константин Николаевич,

В дополнение к отправленным вчера двум документам возвращаю письмо Л. Надеюсь всё дойдет в исправности. Посылаю не заказным, чтоб не вводить зря в искушение цензуру.

Получил вести о своих москвичках. Вернувшаяся на родину, мне лично, как будто незнакомая балтийка, оставившая Москву 5 декабря и всех их там выдавшая, пишет, что эту зиму живется несколько менее тяжело, чем прошлую, как сестрам моим, так и Сабашниковым, у которых она обитала в Москве: несколько приспособились к обстановке. Ник. Вас. Спер. очень беспокоится, расплатился ли я с Линдом. Сумма, которую я должен уплатить, указывается в тысячу крон. Он читает в университете и работает в

издательстве Саб., но ожидается, что издательство в ближайшем будущем будет национализировано^{35.1}. Про жизнь в Москве моя корреспондентка пишет:

Живут люди как в большой крепости. Связи и духовное общение почти полностью прекратились. В театры и концерты попасть почти невозможно, так как билетов в продаже нет, их можно достать только в [профессиональных и иных] союзах. Притом же все виды искусства опустилось до ремесла, а университет стал школой, потому что туда принимают лиц, не имеющих подготовки. Интеллигенция частично покинула Москву, а кто остался – бедствует и живет с продажи своих вещей.

Младшая моя сестра пробовала достать заграничную командировку, но получила отказ ввиду связанных с таковой чрезмерных расходов. Пайки эту зиму несколько больше, но все же недостаточны. Население в Петрограде упало до 777 тысяч, а в Москве до 1118000. Смертность в Петрограде – 88, рождаемость – 15 на тысячу^{35.2}.

Сама моя корреспондентка водворилась теперь на родине в Латвии и предлагает свои услуги по части пересылки моим писем через Ригу, а кроме того указывает на одного из бывших сотрудников *Русск. Вед.*^{35.3}, который, сохраняя добрую память о сотрудничестве с моим зятем, берется переправлять ему мои письма верным путем, имея к тому возможность, так как состоит теперь у себя в Латвии товарищем министра. Не откладывая, сделаю попытку списаться этим путем.

Очень был бы благодарен Вам, если бы Вы сделали снова попытку потеревить Линда: надо же мне с ним когда-нибудь рассчитаться. Если он всё еще не может точно установить сумму, то пусть бы определил пока примерно, с тем, чтоб потом, по окончательном выяснении, выровнять. Если окажется, что причитается с меня меньше, разницу можно внести на мой счет в [банке] Эншильда.

Всего хорошего. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 36. Дрезден, 16 января 1921 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Большое спасибо Вам за Аграфену^{36.1}. Чрезвычайно интересно и поучительно. Молодец Линд! Вдумчиво наблюдает и отменно живописует. Побольше бы таких картинок жизни, и нам многое виднее стало бы. А то всё, ведь, такая однотонная живопись grau in grau [нем., в серых тонах], – каждый этюд в отдельности может быть и фотографически верен, а подлинной действительности в своей совокупности они не характеризуют, и, если не быть начеку, легко вводят в искушение. Мы-то с Вами в достаточной мере обеспечены и сами по себе, а большинству заграничных россиян такие предохранительные прививки были бы прямо необходимы. А что это за роскошное издание? Специально посвящено России?

Получил на днях письмо от Волкова. Сидит пока в Ревеле [Таллинне], собирает наблюдения над хозяйственной жизнью

Эстонской республики. Большой верой в ее будущее не проникся: считает, что к самостоятельному существованию неспособна. Обстановка в Ревеле очень тяжелая, всеобщая слезка друг за другом. Самое письмо прислал мне не почтой, а с оказией до Германии. Со слов приезжающих из Москвы и из Петрограда передает, что с продовольствием эту зиму заметно лучше прошлой, несколько лучше и с топливом.

Получил также письмо от Сав. Сидит пока в Конст.^{36.2}, справляется об условиях существования здесь. Я убеждаю перебираться сюда и провести несколько времени за сосредоточенной научной работой над диссертацией, благо в Дрездене он может использовать мое соседство, а в Берлине сейчас Новгородцев увлеченно работает над третьим изданием своей книги о кризисе социализма и мог бы дать Сав. много полезных указаний. С тем, что диссертация не пошла в печать в ее теперешнем виде, Петр Ник. не только вполне примирился, но, по изменившимся условиям, – невозможность магистриваться в Симферополе, – даже доволен, что так вышло.

Спасибо за пересылку норвежцам моего предисловия. И Брок, и Гофман откликнулись, причем оба выражают интерес и к самой книге и спрашивают, как ее достать. До Христиании, очевидно, русские берлинские издания не докатываются. А как в Стокгольме, есть где-нибудь в продаже издания *Слова*?

Простуда моя почти прошла, держится только легкий кашель. Работается недурно. Занят был это время главнейше математикой. Додельваю третью часть той моей работы, начало которой напечатано в английском журнале *Биометрика*. Вторую ее часть я послал в декабре в Лондон, надеюсь, что напечатают. А тогда отправлю туда же третью и последнюю [Чупров (1918 – 1919, 1921; 1923а)].

Продержавшаяся у нас три недели весна по-видимому пришла к концу: вчера заметно похолодало, а сегодня ночью был мороз. Сегодня поутру всё кругом бело от инея.

Всего доброго. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 37. Дрезден, 22 января 1921 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Итак, жребий брошен, и Вы снова даете себе передышку по службе. Уверен, что и на этот раз не на век. Мечтается даже, – ненадолго. Возрождающаяся Россия вернет Вас воссоздавать и налаживать ее порванные и спутанные внешние отношения.

Отговаривать Вас искать дающего доход занятия, конечно, не приходится, хотя, признаться, жутко, как бы в попытках устройства не растаяли Ваши “крохи” быстрее, чем если бы жили “без заработка” “баринном”, на скромном, разумеется, хотя и не студенческо-геллертерском [Gelehrte, нем., устаревш., ученый] положении. Мысль о типографии мне очень симпатична по существу. И при возникновении *Слова* задача создания мощной русской книгопечатни казалась мне даже более настоящей, нежели учреждение издательства. Ход дел оправдал такую оценку. Русские издательства множатся, как грибы после дождя, спрос на

типографскую работу растет и предложение не поспевает за ним. Даже издательства, поставленные в этом отношении в столь благоприятные условия, как *Слово*, испытывают стеснения и страдают от задержек.

Если бы Вам удалось подбить норвежцев вложить в русскую типографию достаточные средства, я б очень это приветствовал, – при условии, что есть на виду надежный специалист по типографской части. (Что, между прочим, случилось с тем, о котором Гессен говорил в связи с данцигскими планами^{37.1}? Так как теперь мысль о типографии *Слова* оставлена, то он мог бы быть использован в новой комбинации.) С Ляцким не связывайте тесно ни себя, ни тем паче своих “крох”. Помимо прочего, я думаю, что вообще неправильно заводить типографию как филиал издательства. Ее следует строить как самостоятельное предприятие, свободно работающее на разных заказчиков. Ваши связи со *Словом* и с Ляцким могут быть очень полезны, обеспечивая заказами. Не повредило бы и некоторое участие издательств в акционерном капитале, но при условии сохранения хозяйственной независимости. И непосредственно Ульштейнов Вы могли бы, вероятно, втянуть, имея на руках норвежские карты и достаточно конкретно подработав план.

Одним из центральных вопросов явится выбор места. За Ригу говорит многое, но, не побывав на месте, избирать ее рискованно. У меня лично определенное чувство, что положение там крайне непрочное. Если большевики не взлетят в скором времени на воздух, то сомнут они окраинные государства. Да и внутренняя обстановка не производит благонадежного впечатления. Думается поэтому, что рекогносцировка в Ригу должна бы быть одним из первых Ваших движений, если ладить всерьез такое начинание.

Спасибо за Линда. Будем, значит, вместе с ним поджидать, пока общий наш кредитор [не] предъявит свои требования.

Комбинации женевского издательства, заметку о котором Вы мне переслали, едва ли носят более деловой характер, нежели недавнее письмо Бориса Александровича в Лондон. Для того, чтобы сбывать книги через кооперативы, надо 1) Чтоб существовали в России кооперативы и 2) Чтоб имелись на руках подходящие книги по сходной цене. Остальное тогда устроить не хитро. На более же интимную связь кооператоров не прельстишь: соблазна для них нет никакого вести дело не под своей фирмой и не за свой счет. Что касается орфографии, то мне это продолжает казаться пунктом очень второстепенным. Между прочим, кооперативное издательство, выпустившее в Берлине по осени книгу Швиттау^{37.2}, напечатало ее, если не ошибаюсь, по старой орфографии.

Набоковскому ауфзихтсратству [членству в наблюдательном совете] я бы не придавал, с точки зрения интересов издательства, большого значения уже потому, что персональная связь *Слова* с *Рулем* более чем достаточно закреплена Гессеном, Каминкой и Шутяковым. Если считать ее минусом для издательства, то введение в ауфзихтсрат Набокова минуса почти не усиливает. А кроме того я думаю, что для *Слова* плюсы персональной унии с *Рулем* перевешивают минусы: связи и влияние в литературном

мире, которые обеспечиваются директору-распорядителю *Слова* тем, что он состоит главным редактором газеты, представляют очень ценную статью в балансе издательского предприятия. Невыгоды же, при отсутствии формальной связи, не слишком осязательны: нерасположение к *Рулю* не будет тормозить распространения изданий *Слова*, поскольку они будут представлять интерес сами по себе, по своему содержанию и по своей цене.

Иной, конечно, вопрос, что даст Набоков *Слову* в качестве аупфихтсрата. Об этом судить не берусь. Боюсь, не слишком много, тем более, что он поглощен газетой. Но тут Гессена не переубедишь: своим близким друзьям он друг преданный и очень верный. А так как, помимо всего, Набокову очень трудно материально, то Гессен, очевидно, и напал на мысль уступить ему свое аупфихтсратское место.

Не подумайте, что я об-рул-ился. То, что в *Руле* коробит Вас, не менее коробит меня. Но так же меня в свое время многое коробило и в *Речи*^{37.3}, и я, признаться, ждал от *Руля* в этом смысле худшего. Должен, впрочем, оговориться: чем дальше, тем становится тяжелее. Больше полемического задора, резче тон, – резче и задевает. Что касается *Воли России*, то я видел лишь первые пять номеров ее, которые были мне высланы берлинским представительством газеты в расчете, очевидно, соблазнить подписаться. Они произвели на меня очень грустное впечатление: эсеры этой группы ничему решительно за все эти годы не научились, остались при том же доктринерстве и той же партийной узости как до революции. Это обрекает и их как политическую силу на такую же гибель, какая предуготована кадетам^{37.4}.

Правое эсерство могло бы дать основы политической организации крестьянства; в этом, в сущности, его историческое призвание. Но для того, чтоб из этого что-либо вышло, необходим больший реализм, бóльшая свобода от шор партийной догмы и несравненно бóльшая терпимость. По некоторым встречам с рядовыми эсерами мне казалось, что идет осязательный сдвиг в этом направлении, но орган их лидеров показал, что на верхах безнадежно мертво.

Простуда моя, можно сказать, прошла, почти прошел даже кашель. Работалось это время недурно. Получил, между прочим, по части математической статистики один результат, который представляет, как будто, крупный интерес, даже несколько смущает меня своей “революционностью”^{37.5}. Пока обдумываю его с разных сторон, нет ли какого подвоха. В следующем письме напишу с большей уверенностью.

Погода стоит всё время совершенно дикая и, надо сказать, довольно несносная. Почти не приостанавливающаяся буря. Скачки барометра вверх и вниз на полтора, два десятка миллиметров в сутки. По моим комнатам ходит ветер, выдувая всё тепло, какое дают печи. Хорошо еще, что на улице ненормально высокая температура, кругом пяти градусов. В начале недели проскочило было два дня слегка морозных, без ветра, с ярким солнцем, а затем опять пошел ветер завывать.

Получил сейчас вести еще об одном из учеников, некоем С. Конне^{37.6}. Пришел из Парижа большой пакет с литографированным изданием курса теории статистики, который он читал в Тифлисском политехникуме в 1918/19 г. На пакете адрес парижский. Похоже, с какой-нибудь беженской волной добрался до Франции. Жду теперь от него письма. Очень рад был узнать, что ему удалось спастись: очень способный, увлеченный наукой, уходящий в нее с головой малый.

Куда теперь писать Вам? Следующее письмо адресовать уже на [неразборчивое название улицы].

Всего лучшего. Горячо Вас любящий А. Чупров

Письмо № 38. Дрезден, 30 января 1921 г.

Дорогой Константин Николаевич,

Хочу послать пару строк по стокгольмскому еще адресу. Если не застанут Вас на Хуфслагарегатан^{38.1}, Федор, надо думать, перешлет далее. Да если и пропадут, беды большой не будет.

Пришел юльклапп в целости и сохранности, несмотря на странствия по Берлину. Большое Вам спасибо. Теперь мне никакой сахарный кризис не страшен, – Вы совсем засыпали меня сладью. Грозная перспектива сахара, которая начинала было тут обостряться, отодвигается в неопределенно далекое будущее.

Я сижу усердно за своими работами, которые подвигаются недурно. Почти доработал ту невзначай намернувшуюся тему, о которой поминал в прошлом письме. Выходит очень занимательно. К сожалению, всё не удастся разрушительную часть дополнить конструктивной^{38.2}. Одно из важнейших учений теории статистики, которое я доселе всецело принимал и исповедывал, – лексисова теория устойчивости статистических чисел, – оказывается, в значительной мере покоится на математическом недоразумении. Недоразумение это я сейчас вскрыл. Это вышибает один из устоев теории, остающейся в центральной своей части висеть в воздухе. Помириться на этом, не дав замены, мне не хочется. А подвести новый фундамент не удастся: мои попытки разбиваются о то же самое возражение, и я почти что прихожу к выводу, что препятствие по существу непреодолимо. С точки зрения внешнего эффекта это, если хотите, даже плюс. Но тому направлению в науке, к которому я примыкаю, боюсь, будет не на пользу. Так пока и верчусь.

Апрельская погода у нас всё держится, сегодня, можно даже сказать, у нас майский день: около десяти градусов тепла, солнце и притом без ветра. Но к вечеру, наверное, опять поднимется буря. Весь январь у нас так.

Всего лучшего. Горячо Вас любящий А. Чупров

Приложения

Тексты писем Кейнса (Письмо № 15) и “балтийки” (Письмо № 35) в оригинале

1. My dear Professor Tchouproff, I am sorry to say that I have already assigned the Russian rights of my book “The Economic Consequences

of the Peace” to a Swedish publishing company, and I regret that in consequence I must refuse the proposal of the *Slowo* Company on behalf of which you write.

May I at the same time thank you for the terms of your letter and also for the copy of your recent Memoir on the Stability of Statistical series which you have kindly sent me? I was working at this subject carefully, before the war, and I hope to take it up again in a treatise on the Theory of Probability which may be my next publication. The ideas of which Lexis is the originator have not received in England the celebrity which they deserve. My work on the subject, however, will be on much less mathematical lines than yours.

As rumours had reached this country that you had suffered seriously under the Bolshevik regime, I am delighted to have received a further letter from you and to note that you are safely established in Sweden and in a position to continue your academic studies. I need not say that I shall be delighted to publish in the *Economic Journal* any contribution, particularly on Russian affairs, that you may be able to send me. Yours very sincerely

2. Man lebt wie in einer grossen Festung. Geselliger Verkehr, geistiger Austausch hat fast ganz aufgehört. Theater, Konzerte sind fast ganz unbesuchbar, denn Billet [Billets] sind nicht käuflich zu erhalten, nur durch die Verbände; auch ist jede Kunst zum Handwerk herabgesunken und die Universität zur Mittelschule, da Leute ohne Vorbildung zugelassen werden. Die Intelligenz hat zum Teil Moskau verlassen; was übrig ist, darbt und lebt vom Verkauf seiner Sachen.

К. Гулькевич

А. А. Чупров. Личные воспоминания

Nordisk statistisk tidskrift, Bd. 5, 1926, pp. 167 – 170

Тяжело говорить о человеке, перед духовной чистотой, перед крайне чувствительной совестью которого склоняются с уважением. Тяжело потому, что не хочется прибегать к сентиментальным фразам, хотя они невольно просятся на язык. Хотелось бы говорить просто, без фальши.

Самая тесная дружба объединяла профессора Чупрова и меня, хотя даже десяти лет не прошло с того дня, как мы познакомились. В тот день я находился в Христиании [Осло]. А. А., который из-за войны не имел возможности по своей давно укоренившейся привычке провести время в Италии, остановился тогда в Норвегии. Друзья в Петрограде попросили его навестить меня, но закоренелое предубеждение против бюрократии препятствовало А. А. выполнению этой просьбы. Одному из самых одаренных среди наших молодых ученых, П. Н. Савицкому, в то время состоящему в должности атташе при дипломатическом представительстве в качестве советника по торговле, так и не удалось, несмотря на все старания, преодолеть его робость. Лишь в самый день отъезда он собрался с духом.

Огромным было наше взаимное удивление: отношения немедленно стали столь сердечными, что профессор провел все время перед отправлением поезда в дипломатическом представительстве, и мы расстались у его вагона как друзья. Помимо его моральной чистоты меня сразу же очаровали его безграничная доброжелательность, справедливость, терпение не только по отношению к точке зрения других, но даже к их поступкам; удивительное самообладание, несмотря на вспыльчивый характер и горячий темперамент, любовь к природе, прекрасное понимание искусства, восхищение музыкой.

Затем короткая встреча в мае 1917 г. в Торнео [шведск.; на границе Финляндии и Швеции, нынешнее название Торнио, финск. А. М.]. А. А. отправился тогда обратно в Норвегию, я торопился в Петроград. Эта встреча была единственным светлым моментом на фоне тяжелых, хаотичных впечатлений от происходящего в отечестве, сопровождавших любого, прибывшего из России.

Осенью А. А. ненадолго остановился в Стокгольме на обратном пути в Россию, но события принимали тогда всё более тревожные оттенки, и мне удалось уговорить его не торопиться домой, выждать, пока положение не прояснится. Октябрьский переворот. Горестные дни, недели, месяцы. А. А. переезжает ко мне, следит внимательно за тем, что происходит *там*, пытается разгадать загадку. Полное единогласие в оценке событий облегчали переживание этого горестного периода.

В июне 1920 г. А. А. переехал в Дрезден, и я едва ли ошибусь, если скажу, что здесь наступило самое счастливое время в его жизни. Он полностью посвятил себя науке. В России его утомляло преподавание; хотя оно без сомнения также привлекало его, но отрывало от научной творческой деятельности. Здесь он, напротив, мог целиком и полностью посвятить себя научной деятельности. Ряд статей в различных статистических журналах, доклады в научных обществах Копенгагена и Стокгольма, специальный курс в университете Христиании. О научной деятельности А. А. напишут другие, более компетентные. Но после пятилетнего пребывания в Дрездене, где достойная и уважаемая всеми фрейлейн Дитцель, у которой он снимал квартиру, дружески ухаживала за ним, те незначительные средства, которыми располагал А. А., стали заканчиваться. Возникла необходимость искать более постоянный источник дохода.

В 1925 г. А. А. переехал в Прагу. Обстановка, которую он там застал, не отвечала ни его характеру, ни привычкам, и лишь та благожелательность, которую ему оказали Е. Д. и С. Н. Прокоповичи и несколько других лиц, приукрасили его пребывание там. Летом обнаружилась какая-то непонятная болезнь, сопровождаемая повышением температуры. Врачи колебались в своих диагнозах между бронхитом и малярией. А. А. отправился в Римини [Италия] погреться на солнышке, которое он так страстно любил. Тамшний врач лечил его от бронхита. В конце сентября А. А. поехал на международный статистический конгресс в Рим, был очень удовлетворен тем, что там пережил и сделал. Из опасения доставить мне хлопоты приездом ко мне больным, к врачам он

обратился в Риме. Они положили его в больницу – ничего удивительного. Четвертый месяц не спадала повышенная температура.

Его пытались лечить от различных болезней, но безуспешно. Профессор Щуровский, который в то время был в Риме и случайно заглянул к нему, немедленно поставил диагноз: *endocarditis lenta*. Угрожающее определение не произвело пугающего впечатления на А. А. Профессор Щуровский сделал благое дело, подготовив больного к тому, что его болезнь обычно сопровождается самыми неприятными проявлениями, – нарывами и пр. Кроме того, он утешил А. А. надеждой на то, что при условии полного покоя всё обойдется.

В конце декабря А. А. не выдержал пребывания в больнице в Риме и с величайшим трудом перебрался в Женеву, при этом на станции *Вrieg*, где он хотел выйти из вагона, он упал лицом вниз. Чудом его очки не разбились о мостовую и он не стал слепым. В Женеве он опять попал на больничную койку, но, верный самому себе, не захотел беспокоить врачей перед Рождеством и не позволил немедленно пригласить их. Лишь после нового года директор медицинской клиники, профессор Женевского университета *Maugice Roch*, специалист по кардиологии, осмотрел его и нашел состояние больного почти безнадежным. Однако, он продолжал с искренней и глубокой симпатией следить за болезнью. Ассистент, которого он приставил к А. А., приват-доцент Женевского университета, доктор *Каценельбоген*, русский по происхождению [очевидно: выходец из России], проявил трогательную нежность и любящую заботу о больном. А. А. был очень тронут таким его отношением к себе и испытывал наибольшее доверие и был в высшей степени дружески расположен к нему.

Состояние больного тем временем сильно ухудшилось и угрожающий симптом, – временный местный паралич, – потребовал вторичного клинического лечения. В воскресенье 18 апреля утром мы вместе с доктором *Каценельбогеном* отвезли больного в клинику. Дома А. А. постоянно жаловался всякий раз, когда температура в комнате опускалась ниже 23° и противился тому, чтобы у него открывали окно. В клинике медсестра открывала огромное окно в его маленькой, но чистой и уютной комнате, но он уже этого не замечал. В течение дня лицо А. А. было бледным. Он тяжело дышал и его состояние сильно меня беспокоило. Медсестра тем временем успокаивала тем, что никакой непосредственной угрозы не было. И действительно, через некоторое время его состояние показалось более обнадеживающим: лицо стало спокойным, и не таким бледным, как прежде. А. А. выпил чашку кофе и на вопрос, был ли он хорош, ответил “так себе”. Это были его последние слова. На ночь ему дали успокаивающего, и мы расстались до утра.

Вчера в шесть часов утра в моей спальне зазвонил телефон. Из больницы. В 5 час 10 мин медсестра, сидевшая у больного, заметила, что его дыхание начало постепенно прерываться. Позвали врача, и он установил, что всё кончено. Не просыпаясь, А.

А. перешел из бытия в мир иной. Для того, чтобы сделать возможным возвращение хотя бы его праха в страстно любимую им Россию, когда того позволят обстоятельства, тело А. А. с разрешения его сестры, жены профессора Хеймонса, было кремировано.

Женева, 20 апреля 1926

Примечания

1. “Гулькевич имеет [в Женеве] квартирку в три комнаты, из которых одна припасена для меня” (Чупров, 1925 г.; Борткевич и Чупров (2005, Письмо № 199)).

2. Перевод этого некролога (со шведского) выполнил А. А. Муравьев, который разрешил нам опубликовать его.

Отчет о первом Съезде академических организаций в Праге 1921 г.

Обращение к ученым всех стран и ко всему цивилизованному миру. Труды русских ученых за границей, т. 2. Берлин, 1923, с. 340

Съезд Русских академических организаций за границей, обращаясь к ученым всех стран и ко всему цивилизованному миру от лица свыше 400 русских ученых, разбросанных в 16 государствах, возвышает свой голос против тех условий существования и работы, в которые поставлены русские ученые советским режимом полного произвола и попрания всех самых элементарных человеческих прав. Никогда, ни при каком режиме, ни в другой какой-либо стране, ни в самой России люди умственного труда вообще и академические ученые в частности не были поставлены в такое материально тяжелое и морально невыносимое положение. Особенно возмутительно и невыносимо полное отсутствие личной неприкосновенности, на каждом шагу приносящее нестерпимые нравственные муки и грозящее физической гибелью. Вопиют к небу казни, или, вернее, убийства таких ученых, как государствовед Лазаревский и химик Тихвинский, расстрелянных по мотивировке самой советской власти один за то, что он составлял проекты реформы местного самоуправления и упорядочения денежного обращения, другой за то, что он сообщал на Запад сведения о состоянии русской нефтяной промышленности. Эти ужасные убийства суть, однако, лишь частные случаи того бесчеловечного, отрицающего всякое право и все права, политического порядка, который царит в Советской России.

Мы бы не исполнили своего священного, национального и общечеловеческого долга, если бы не заявили всем нашим коллегам и всему цивилизованному миру громогласного протеста против этого человекоубийственного и постыдного режима.

Примечания

К. Виттих, Г. Кратц, О. Б. Шейнин

Примечания к каждому письму пронумерованы по отдельности. Краткие сведения о Кондакове, Саблине, Элькине найдены нами в интернете, в *Энциклопедии зарубежной России*. По поводу первых

двух из них мы, однако, не уверены в том, что это те самые лица, которых упоминал Чупров. Там же мы отыскивали дополнительные сведения об Андрееве, Гессене, Каминке, Остроухове и Савицком.

1.1. Христиания, название столицы Норвегии Осло до 1924 г.

1.2. См. Прим. 2.2.

1.3. Барон Борис Эммануилович Нольде (1876 – 1948), бывший профессор Петроградского политехнического института, директор юридического департамента Министерства иностранных дел и товарищ министра. В эмиграции активно помогал российским беженцам во Франции получать высшее образование. См. о нем Holquist (2006).

2.1. Vygdøy – полуостров в Осло; в то время быть может находился за пределами Христиании.

2.2. Об этих Бюллетенях Чупров писал В. И. Борткевичу в 1919 г. (Борткевич, Чупров 2005, с. 207) и Н. С. Четверикову в 1921 г. (Шейнин 1990, с. 14). Во втором письме мы читаем, что он “полтора года целиком ухлопал на *Бюллетени мирового хозяйства* для наших кооперативных централей”. Ни одного их экземпляра не найдено.

4.1. В письме Борткевичу 1919 г. из Стокгольма Чупров сообщал, что ему предложили заведывать отделом экономики в намечавшемся там русско-скандинавском издательском предприятии и что он был “не прочь взяться” за это, см. Борткевич, Чупров (2005, с. 208).

4.2. Иосиф Владимирович Гессен, 1866 – 1943, публицист, юрист, со-основатель партии кадетов. С 1920 г. в Берлине. С 1936 г. в Париже, с 1941 г. в Нью Йорке. Неоднократно упоминается ниже, поскольку Гессен не только издавал газету *Руль*, но, что важнее, основал издательство *Слово* и был его директором. “Под фирмой *Слова*” вышло не менее двух томов *Трудов русских ученых за границей* (см. также Прим. 15.3) и особой заслугой *Слова* Гессен (1979, с. 93) считал, что оно стало “крестным отцом” В. В. Набокова. Он же посвятил *Слову* главу той же своей книги (с. 89 – 113), в которой, однако, много сопутствующего материала и слишком мало фактов о самом издательстве. Впрочем, *Слово* освещено и Чупровым в его письмах, и, главным образом, Г. Кратцем, см. нашу Библиографию и, в частности, Weyer, Kratz, Werner (1987).

4.3. Это безусловно Владимир Дмитриевич Набоков, отец писателя (который жил в Германии лишь с 1922 по 1937 г.), юрист, публицист, политический деятель. Вместе с Гессеном и Каминкой редактировал *Руль*, в 1922 г. погиб при неудавшемся покушении на П. Н. Милюкова (заслонил намеченную жертву своим телом). См. также Письмо 16.

4.4. Михаил Иванович Ростовцев (1870 – 1952), историк античности, профессор Петербургского университета. Академик РАН (1917). См. о нем комментарии И. В. Тункиной в книге Ростовцев (2002). Мы лишь заметим, что он был очень активен в эмиграции, в том числе в Комитете освобождения России (1919 – 1923), который и был создан в Англии по его инициативе. С 1920 г.

он жил в США, был профессором древней истории. Его архив хранится в Йельском университете.

4.5. Леонид Николаевич Андреев, 1871 – 1919, писатель, бывший фельетонист. В 1913 г. вышло его собрание сочинений в восьми томах. Горький охарактеризовал его в своей книге *Литературные портреты*. М., 1963. С 1917 г. жил в Финляндии.

4.6. Чупров косвенно и как будто используя игру слов выражает отрицательное мнение о памфлете Андреева (1919), который неоднократно публиковался, также и в переводах на многие языки. В этом памфлете чувствуется крик души: спасите Россию, спасите самих себя от большевиков! Андреев заявляет, что политические деятели умыли руки и обращается к простым людям и особенно к журналистам. Точку зрения Чупрова можно понять из его письма Комитету освобождения России (см. Предисловие).

4.7. В 1918 г. Колчак принял титул *Верховного правителя российского государства*.

4.8. *Колокол* издавали А. И. Герцен и Н. П. Огарев (1857 – 1865, Лондон, и 1865 – 1867, Женева), т. е. также и после отмены крепостного права.

4.9. Генерал-лейтенант М. К. Дитрихс из Чехословацкого корпуса, служил у Колчака.

4.10. Граф Твэрдоонто (вымышленный герой Салтыкова-Щедрина из т. 14 его *Полного собрания сочинений* 1933 – 1936 гг.), см. Ольминский (1937, с. 632 – 633). Л. М. Гамбетта (1838 – 1882), французский адвокат, политический и государственный деятель.

4.11. Мы можем лишь назвать реку Керженец, левый приток Волги. В XVII – XIX вв. в лесах вдоль реки находились поселения старообрядцев.

5.1. П. И. Миллюков (1859 – 1943), политический деятель, историк, публицист. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции в Лондоне и Париже.

5.2. *Освобождение* выходило в 1902 – 1905 гг. и нелегально распространялось в России. П. Б. Струве (1870 – 1944), политический деятель, экономист и философ, неоднократно упоминается и ниже и в переписке Чупрова (Борткевич, Чупров 2005). В 1905 г. он был со-основателем партии кадетов, в 1920 г. Министр иностранных дел в правительстве Врангеля, с 1921 г. в эмиграции в нескольких европейских странах. Струве был одним из (успешно) рекомендовавших избрать Чупрова членом-корреспондентом Академии наук (Струве и др. 1917).

5.3. Г. Кнудсен, премьер-министр Норвегии в 1908 – 1910 и 1913 – 1920 гг.

5.4. Возможно Карл Штормер (1874 – 1957), профессор Института теоретической астрофизики в окрестностях Христиании (Осло).

6.1. 1 августа 1919 г. ушло в отставку правительство Венгерской советской республики. В 1918 – 1920 гг. Полтава несколько раз захватывалась белыми войсками. Фамилия написана неразборчиво; возможно [А. Дж.] Бальфур, английский министр иностранных дел и активный противник советской власти.

7.1. Генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер (1867 – 1938), см. БСЭ, 3-е издание.

8.1. Город в Швеции.

8.2. Петр Александрович Остроухов, ученик Чупрова и его помощник по выпуску *Бюллетеней* (Прим. 2.2), см. Борткевич, Чупров (2005, с. 211). Обосновался в Праге, опубликовал работы по экономической истории.

9.1. Очевидно, название газеты.

9.2. Ульштейнов (мы всё-таки будем писать эту фамилию без удвоения буквы л) Чупров неоднократно упоминает ниже. Пять братьев Ульштейн были магнатами книгопечатания и издания газет. После 1933 г. их *еврейскую собственность* заставили продать подставным лицам печатного концерна национал-социалистов, сами же они эмигрировали. См. также Прим. 13.1. О *Слове*, которое просуществовало до 1935 г., см. исследование Г. Кратца в Weyer et al (1987, pp. 39 – 150). И. В. Гессен (1979, с. 36 – 37) был потрясен “грандиозностью” газетного и книжного издательства Ульштейнов: тысячи рабочих и служащих, многотысячный штат уличных продавцов и разносчиков, архив вырезок, собственное осведомительное агентство и пр.

9.3. Георг Гравенштейн, председатель наблюдательного совета *Слова*, см. Кратц, прим. 59 на с. 273 в статье Росс (2005). В Письме 16 Чупров весьма лестно отозвался о нем, но вот Гессен (1979, с. 39 – 43), который безусловно был лучше осведомлен о Гравенштейне, характеризовал его совсем иначе: чистой воды прожектер, чьи планы неизменно лопаются как мыльные пузыри. Именно Гравенштейн, в частности, настоял на устройстве типографии *Слова* в Данциге, что кончилось неудачей (Чупров, Письмо 37). Но заметим (Кратц 2003, с. 1), что Данциг был юридическим местонахождением *Слова*.

10.1. Ел. Ник: это, видимо, сестра Гулькевича (по мужу – фон Мевес), а графиня – ее дочь Мария Ричардовна (по мужу – Ребиндер).

10.2. Елена Чупрова. Вышла замуж за профессора Хеймонса (или Геймонса), жила в Берлине, в районе Николасзее. Описала биографию своего покойного к тому времени брата в письмах Карлу Пирсону (Шейнин 2001).

11.1. Трудно понять в этих строках от чего именно Чупров отказывался, и наш текст может быть не совсем верен.

12.1. Schöneberg, В центральной части Берлина.

12.2. Вот фраза из этого Предисловия (с. XVII): “Не пролетарий мужика, а хозяйственный мужичок пролетария поведет у нас к своим идеалам”.

13.1. В нескольких письмах Чупрова 1922 – 1923 гг. (ГАРФ 1, 117, л. 149 об; 118, л. 14) имеются чьи-то вставки, в которых его сокращение Б. А. Н. расшифровано: Борис Александрович Никольский. Никольский (примерно 1885 – 1969) окончил Петербургский политехнический институт. В эмиграции жил с семьей в Италии, Германии и Швейцарии, где с 1924 г. работал в Международном красном кресте, а после 1945 г. – в ООН и преподавал славянские языки в Женевском университете.

13.2. Фридрих Росс (1889 – 1964) был зятем одного из Ульштейнов. Несколько раз был в деловых поездках в России, безуспешно пытаясь организовать сбыт изданий *Слова*, см. Кратц (2006). После 1945 г. возглавил фирму Ульштейнов в Австрии, но через несколько лет она была продана издательству Акселя Шпрингер, который в свою очередь продал ее шведскому издателю Боньер. Позднее Росс стал председателем Международной ассоциации издателей. И. В. Гессен (1979, с. 89 и 92) охарактеризовал его как “очень милого и толкового” и “настойчивого и энергичного” человека.

13.3. Борис Исаакович Элькин (1887 – 1972), адвокат, в Берлине с 1919 г. Учредитель и казначей германского отдела Американской помощи русским литераторам и ученым. О Шутякове см. Прим. 33.1.

13.4. Война с Польшей началась в апреле 1920 г. Поляки захватили Киев, затем откатились до Варшавы, но смогли вновь перейти в наступление. Военные действия прекратились в октябре.

13.5. Экономические условия Версальского мира оказались слишком тяжелыми для Германии, что привело ее к разрыву и развитию и национал-социализма (фашизма), и левого радикального движения.

14.1. Возможно М. А. Цитрон, ставший директором издательства *Русская книга*, см. Beyer et al (1987, p. 70) и Kratz (Schlögel 1999, с. 549 – 550). Впрочем, Шамрокова (2002, с. 356) упоминает М. Л. Цитрона, владельца *Русского издательства* в Лейпциге (1921 г.).

Ниже Чупров указывает, что “попал на обсуждение” на Маркграфенштрассе. В доме 73 на этой берлинской улице помещались Союз русских журналистов и литераторов и редакция газеты *Руль*, президент Гессен, члены правления В. Д. Набоков, В. Я. Левенсон-Назимов и др. (В некоторых последующих документах фамилия последнего пишется иначе, притом весьма несообразно.) http://nabokov.gatchina3000.ru/museum/first_wave1.htm.

О размещении газеты *Руль* в том же здании сообщил и журнал *Русская книга* № 1, 1921.

14.2. Никодим Павлович Кондаков (1844 – 1925), историк искусства, профессор Новороссийского университета (Одесса). С 1920 г. в Болгарии и Чехословакии, преподавал в Пражском Карловом университете.

14.3. Мы можем лишь назвать рукопись Чупрова *О средней квадратической ошибке коэффициента дисперсии* (Архив РАН, фонд 173, оп. 1, № 50), опубликованной в английском переводе (Chuprov 2004, pp. 48 – 73).

14.4. См. Прим. 10.1.

15.1. Чупров неоднократно упоминал *графа* и *графиню*, видимо родственников Гулькевича. В Интернете против имени Гулькевича мы нашли во *Всероссийском генеалогическом древе* запись: Имение Прели Витебской губернии Двинского уезда.

Письмо Кейнса 20 июля 1920 г., адресованное Чупрову в Стокгольм. Выдержку из него мы опубликовали ранее (Шейнин (1990, с. 13). Там же мы указали, что в 1912 г. Кейнс поместил в

своем журнале (см. ниже) статью Чупрова об отмене общинного землевладения в России.

Евгений Александрович Ляцкий (1868 – 1942), упомянутый в Письме 37 и, возможно, в Письмах 23, 34 и 35, в которых кто-то назван лишь одной буквой Л, был этнограф и журналист. В первом из этих писем в связи с Л были дважды названы *Северные Огни*, основателями которых в 1920 г. были Ляцкий и Лундель. Издательство просуществовало до 1939 г., выпускало русскую классику и современную литературу (*Энциклопедия зарубежной России*). Подробно о жизни Ляцкого и его издательской деятельности за рубежом см. Шомракова (2002). Она (с. 350) назвала его “недальновидным издателем” и тем самым подтвердила мнение Чупрова (Письмо 23).

Ляцкий был в эмиграции с 1917 г. в Финляндии, затем в Швеции, где издавал русские газеты (в письме Кейнса названо “шведское издательство”) и с 1922 г. стал издателем и профессором русской литературы Карлова университета в Праге.

15.2. Возможно Федор Александрович Браун (1862 – 1942), германист, профессор в Петербурге/Петрограде, в 1920 г. не вернулся из командировки в Германию, стал профессором в Лейпциге (1922 – 1933), см. *Russia Abroad*, www.mochola.org.

15.3. Август Иванович Каминка (1865 – 1940), член ЦК партии кадетов, профессор права на Бестужевских курсах с 1909 г. Соучредитель *Слова*, сотрудник газеты *Руль*, председатель Русской академической группы в Берлине, редактор *Трудов русских ученых за границей*, в которых и Чупров (1922с), и его ученик Я. Мордух (1923) опубликовали по одной статье.

15.4. Некоторые немецкие книги, набранные готическим шрифтом, переиздаются без повторного набора и в наши дни. За переход к новой орфографии высказался Гессен, которого, однако, поддержал только один человек, преподавательница русского языка. “Все остальные категорически отвергали подчинение [разумному] декрету советской власти” (Гессен 1979, с. 106).

Независимо от Гессена “объективную и спокойную” позицию по этому же вопросу занял в 1921 г. Ляцкий (Прим. 15.1), член правления издательства *Пламя* в Праге (Шомракова 2002, с. 249). Система орфографии выбиралась там отдельно для каждой книги (там же, с. 358).

15.5. Петр Николаевич Савицкий (1895 – 1968). Географ, экономист, историк, философ. Служил в Управлении иностранных дел у Деникина, затем в штабе Колчака. Его упоминает Гулькевич (см. Приложения): один из “самых одаренных среди наших молодых ученых”, советник по торговле (в российском представительстве в Христиании/Осло в 1916 г.). С 1921 г. в Праге.

16.1. “Незаменимый активный помощник” (Гессен 1979, с. 91).

16.2. Ф. Ф. Зелинский – исследователь античной культуры.

16.3. Кратц, см. Росс (2005, с. 275), выяснил, что Эйнштейна переводил Г. Б. Ительсон в соответствии с соглашением автора и Росса (о котором см. Прим. 13.1). Ительсон упомянут в книге Чупров, Борткевич (2005, Письмо 89).

16.4. С. А. Аррениус, физико-химик, почетный член Академии наук СССР (1926).

16.5. Curriculum vitae, латин., перешло без изменения в несколько европейских языков, биография.

16.6. В 1920 г. Чупров указал, что Бернацкий был министром финансов у Деникина, а “сейчас” в той же должности у Врангеля (Борткевич, Чупров 2005, с. 210).

17.1. Видимо, какое-то литературное заведение. Эк (Еске, нем., или Еск, угол(ок)). Впрочем, в Берлине Эк обозначает пивную, закусную и т. д. Возможно, что либо *Курфюрстенэк* был рестораном, не обязательно на одной из одноименных улиц Курфюрстенштрассе Берлина, в котором собирались русские эмигранты, либо же Чупров упоминал Дом искусств (Café Landgraf), в котором в то время собирались русские эмигранты.

18.1. Линд, как можно понять, написал рассказ *Аграфена* (Письмо № 36). Он же, видимо, опубликовал книгу Линд (1910).

18.2. Владимир Эдуардович Ден (1867 – 1933), заведующий кафедрой экономической географии в Петербургском (Петроградском, Ленинградском) политехническом институте в 1902 – 1931 гг. (БСЭ, 3-е изд.). Чупров был в тесных товарищеских отношениях с ним и неоднократно упоминал его в своих письмах Борткевичу. См. также Елисеева (1995).

18.3. Видимо, в *Цельтене*. В Берлине был в то время район и улица Цельтен (Zelt – палатка). На этой улице помещалось агентство по оказанию помощи эмигрантам.

19.1. Позже Новгородцев читал лекции в Ахенской технической школе (1921 – 1922), затем (1922 – 1924) жил в Праге, где основал Русский юридический институт (факультет) Пражского университета и руководил им (Тункина, см. Ростовцев 2002, с. 172 – 173).

19.2. Н. Н. Львов (1867 – 1944), политический деятель. В 1918 – 1920 гг. журналист в белой армии. Член ЦК партии кадетов, затем стал гораздо консервативней. Депутат Гос. Думы трех созывов (в 4-й Думе – товарищ ее председателя).

19.3. Тункина (Ростовцев 2002, с. 146) указывает, что в Петрограде в 1918 – 1920 гг. умерли около 167 тыс. человек и что за тот же период Российская академия наук “потеряла почти треть своих членов, умерших от голода, болезней и тяжелейших условий быта”, и в том числе физика (точнее, метеоролога) М. А. Рыкачева, в 1919 г. По поводу условий быта можно вспомнить (Гродзенский 1987, с. 136), что в марте 1921 г. из-за отсутствия обуви академик А. А. Марков не мог посещать заседаний Академии наук и что, “получив” негодную пару обуви в мае, он предложил поместить ее в Этнографический музей как образец материальной культуры.

Тункина никак не обосновывает приведенного числа умерших и заметим, что оно плохо соответствует данным Чупрова (Письмо № 35) и что особого доверия к нему (а точнее, к ней) нет уже потому, что она крайне небрежно составила биографию Чупрова. Наконец, остается неясным, что означают слова Чупрова *за которую умирал Рыкачев*, и почему он заключил их в кавычки.

20.1. Генрих (Готтлоб Андреас) Дицель (1857 – 1935), экономист, профессор в Дерпте (Гарту) и Бонне.

21.1. В Письме 20 Чупров сообщил, что “был здесь” (т. е. в Дрездене) в 1912 г. И очень возможно, что в свою бытность в Германии в 1896 – 1901 гг. он посещал дрезденские музеи и/или оперу.

22.1. В 1918 г. был образован левый *Союз Спартака*, который в том же году выдвинул лозунг *Вся власть Советам* и потребовал вооружить рабочих. В конце того же года спартаковцы и другие радикалы создали Компартию Германии, но термин *спартакист* продолжал относиться к крайне левым.

22.2. В 1907 – 1915 гг. под редакцией С. А. Венгерова вышло в свет 6-томное собрание сочинений Пушкина.

24.1. В письме 164 1921 г. Борткевичу он сообщил, что занялся этой темой снова, но работы, специально посвященной этой теме он не опубликовал. Тем не менее, Чупров (1922d, с. 192 – 195) кратко осветил ее (без статистического анализа). Там же (с. 195) он заметил, что “до восстановления свободного мирового рынка [...] всё еще далеко” и (с. 213) что “капиталистический хозяйственный строй” вынес войну и вынесет “то, что по государственной мудрости наших дней угодно называть миром”. Он явно имел в виду тяжелейшие экономические условия Версальского мира. В 1906 г., в своей брошюре о партии кадетов (ср. Прим. 37.4), Чупров (Шейнин 1990, с. 10) указал, что “в неотвратимую гибель капиталистического строя от грозящего принять хронический характер общего перепроизводства образованный экономист в настоящее время уже не может верить”.

27.1. Возможно Михаил Николаевич Гирс (1856 – 1932), видный дипломат, как и его отец, Николай Карлович Гирс. В эмиграции возглавлял Совет (бывших российских) послов.

27.2. Евгений Васильевич Саблин (1875 – 1949), дипломат. Остался в Англии, служил в фонде Нансена.

27.3. См. Прим. 24.1.

27.4. Stiftung, нем., фонд. Геештифтунг – частный фонд в Дрездене, основанный Францем Людвигом Гее (Gehe), 1810 – 1882, и владевший обширной библиотекой, в основном по социальным наукам. Существовал до 1922 г., публиковал ежегодники и брошюры о внешних и внутренних политических событиях.

27.5. Карл Густав Кассель (1866 – 1945), экономист, профессор в Стокгольме. Очевидно, какое-то краткое сообщение о книге *Das Geldproblem der Welt*. München, 1921 – 1922.

28.1. Ленинки – очевидно, советские рубли. Мы не можем сказать, действительно ли употреблялось это слово (схожее с общеизвестными *керенками*).

29.1. Финский город Териоки; ныне Зеленогорск, в России.

29.2. В нескольких предыдущих письмах Чупров указывал оригинальное немецкое наименование, Гроссер Гартен.

30.1. В письме Борткевичу № 145 от 10.5.1920 Чупров упоминает (служебный?) адрес “посланника” Гулькевича: Стокгольм, Strandvägen 7^c.

30.2. См. Прим. 27.4.

30.3. Ф. С. Нитти (1868 – 1953), итальянский политический и общественный деятель, премьер-министр в 1920 – 1921 гг. В годы правления Муссолини жил во Франции.

30.4. Быть может, *семье*; семья по-немецки Familie.

31.1. Кроме Марии у Чупрова были еще две сестры, Елена (см. Прим. 10.2) и старшая Ольга, по мужу Сперанская, которая оставила незаконченные или неполностью сохранившиеся воспоминания (Центр. гос. архив Санкт-Петербурга, фонд 9960, опись 1, дело 298, листы 1 – 6, без даты, найденные А. Л. Дмитриевым, Петербург) о детстве своего брата (и об их отце); также в книге Борткевич, Чупров (2007).

31.2. А. В. Амфитеатров (1862 – 1938) – писатель, двоюродный брат Чупрова, по случаю смерти которого опубликовал некролог, см. Елисеева и Дмитриев (1998, с. 86).

32.1. Слово *едят* Чупров в обоих случаях написал с твердым знаком. Он, видимо, должен был в одном случае зачеркнуть этот знак, но не доглядел, вообще же во всех письмах Чупров придерживался прежней орфографии. Заметим также, что вопрос об упразднении твердого знака в подобных случаях серьезно обсуждался еще до революции. Предполагалось упразднить и мягкий знак в словах женского рода, оканчивающихся на шипящую (мышь), но решение так и не было принято.

32.2. Fräulein, нем., употребляется в смысле *незамужняя женщина*. В данном случае видимо означало вежливую форму обращения.

33.1. Чупров в нескольких письмах сообщает о Шутякове, Шутякина же только здесь. Можно предположить, что он при этом просто ошибся. Шутякова упоминает и Schlögel (1999, pp. 60, 455) в связи с Союзом русских журналистов и литераторов в Германии, в 1921 и 1933 гг., и указывает его инициалы, П. О. и П. Р. (!). До революции Шутяков был сотрудником близкой к кадетам гессенской газеты *Речь* и петербургским корреспондентом старейшей берлинской газеты *Фосише Цейтунг* (с 1914 г. – часть концерна Ульштейнов). Он стал высокооплачиваемым сотрудником газеты *Руль*, затем редактировал русские газеты в Копенгагене (1918 – 1919) и Ревеле (Таллинне) (1927 – 1929).

33.2. Очевидно, Чупров (1914) и Чупров (1922а).

35.1. Издательство М. В. Сабашникова не было национализировано. В 1926 г. оно выпустил перевод книги Чупрова (1925), а в 1930 г. на его основе было учреждено кооперативное издательство (БСЭ, 3-е изд.). Николай Васильевич Сперанский (1861 – 1921), муж старшей сестры Чупрова, Ольги (см. Письмо 31), опубликовал большое число статей о системе образования в России и за рубежом. В 1906 – 1908 гг. вместе с М. М. Ковалевским, братьями Сабашниковыми и другими основал первый в России общественный университет, – Московский городской народный университет им. Альфонса Леоновича Шанявского (1837 – 1905), который оставил средства на эту цель в своем завещании. Сперанский был членом Совета университета и преподавал в нем, но в 1919 г. вместо университета была основана Высшая партийная школа. Лишь в 1920 г. Сперанский получил “профессорский паек”

(Письмо 35). Об университете Шанявского и братьях Сабашниковых см. Шноль (1997, гл. 2 и 3), а о Сперанском – Петрушевский (1922).

35.2. Смертность, превышающая 1.7%, “не является естественной. Если бы людей расстреливали, топили, сжигали, травили стрихнином, их смерть не была бы более неестественной, чем скрытно причиняемая болезнями сверх 17 на тысячу” Farr (прим. 1857; 1885, с. 148). Фарр добавил, что смертность в 1.7% тоже слишком высока.

35.3. Сам Чупров опубликовал в этой же газете около 60 статей (Шейнин 1990, с. 131 – 134).

36.1. Очевидно, рассказ.

36.2. Конст. это Константинополь (нынешний Стамбул) или, менее вероятно, город Констанц на юге Германии.

37.1. См. Письмо № 15.

37.2. Видимо, не *по осени*, а в прошедшем году (Швиттау 1920). Возможно, впрочем, что упомянутая Чупровым книга фактически вышла несколько позже (Швиттау 1922). Георгий Георгиевич Швиттау (1875 – 1950), экономист, профессор в Новороссийске (с 1915 г.) и Воронеже. Эмигрировал в 1920 г., публиковался в Германии и был активен в берлинских эмигрантских кругах, затем (не ранее 1924 г.) вернулся в Советский Союз. С 1946 г. заведывал кафедрой экономической географии в Ярославском педагогическом институте. Год его смерти (1953), указанный в Прим. 158.1 в книге Борткевич и Чупров (2005), видимо ошибочен.

37.3. В газете *Речь* Чупров опубликовал по меньшей мере одну статью (Шейнин 1990, с. 132).

37.4. Сам Чупров был в свое время активным членом партии кадетов, членом распорядительного комитета ее аграрной комиссии и опубликовал брошюру о ней (Шейнин 1990, с. 10).

37.5. См. Письмо № 38.

37.6. См. о нем Елисеева, Дмитриев (1998, с. 44 – 52).

38.1. Стокгольмская улица *Novslagargatan*. “По стокгольмскому еще адресу”, поскольку Гулькевич переезжал в Христианию/Осло. Это следует из письма Чупрова ему от 12 февраля 1921 г., которое входит в московское собрание, см. наше Предисловие.

38.2. См. письма Чупрова того же года В. И. Борткевичу и Н. С. Четверикову, – Борткевич, Чупров (2005, с. 216 – 218) и Шейнин (1990, с. 107 – 108), – с пояснениями и ссылками на свои будущие статьи (Чупров 1922b; 1923a; 1923b) и на (также будущую) статью своего ученика Мордуха (1923). В письме Четверикову Чупров указал, что схемы извлечений билетиков из урны с их возвращением и без возвращения нельзя эмпирически отличить друг от друга. Об этом выводе Чупрова и дальнейшей работе Мордуха и об их введении в статистику понятия конечной переставляемости (*finite exchangeability*) см. Seneta (1987) и Sheynin (2002).

Конечное число n взаимозависимых случайных величин $\xi_1, \xi_2, \dots, \xi_n$ переставляемо, если при любом $k \leq n$ распределение k - мерного вектора $\{\xi_i\}$ не зависит от выбора индексов i .

Указанные выше схемы существенно отличаются друг от друга. В первой из них вероятности выхода билетиков (например, того или иного цвета) одни и те же при каждом тираже; если же билетики не возвращаются в урну, то вероятность повторного выхода билетика того же цвета после, например, первого тиража, естественно, понизится.

В принципе речь шла о возможности устанавливать, остается ли вероятность статистически исследуемого события постоянной или нет. Именно этот вопрос в применении к рядам наблюдений попытался решить Вильгельм Лексис (1837 – 1914), которого Чупров косвенно упоминает чуть ниже и которого он таким образом опровергнул. Тем не менее, Лексис оказал сильнейшее воздействие на *континентальных* статистиков второй половины XIX в., в том числе на того же Чупрова, на своего ученика Борткевича и частично на А. А. Маркова. Влияние Лексиса на английскую *биометрическую* школу было незначительным, но только потому, что она обращала мало внимания на остальную Европу.

Библиография

А. А. Чупров

- (1902), *Die Feldgemeinschaft*. Strassburg. Ред., G. F. Knapp.
- (1906), *Конституционно-демократическая партия и социализм*. М.
- (1914), Закон больших чисел в современной науке. В книге Ондар (1977, с. 178 – 197).
- (1918 – 1919, нем.), К теории стабильности статистических рядов. В книге автора (1960, с. 138 – 224).
- (1918 – 1919, 1921), On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions. *Biometrika*, vol. 12, pp. 140 – 169, 185 – 210; vol. 13, pp. 283 – 295.
- (1921), Предисловие к книге А. И. Чупрова (1904).
- (1922a, нем.), Закон больших чисел и стохастико-статистическая точка зрения в современной науке. В книге автора (1960, с. 141 – 162).
- (1922b, нем.), Можно ли на основании эмпирических данных доказать, что устойчивость ряда нормальна? В книге автора (1960, с. 239 – 258).
- (1922c), О математическом ожидании частного двух взаимно-зависимых случайных переменных. *Тр. русск. ученых за границей*, т. 1. Берлин, с. 240 – 271.
- (1922d), Мировой рынок после войны. *Современные записки*, № 13, с. 191 – 213.
- (1923a), On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions in the case of correlated observations. *Metron*, t. 2, No. 3, pp. 461 – 493; No. 4, pp. 646 – 683.
- (1923b), Über normal stabile Korrelation. *Skand. Aktuarietidskr.*, Bd. 6, pp. 1 – 17.
- (1925, нем.), *Основные проблемы теории корреляции*. М., 1926 и 1960.

(1960), *Вопросы статистики*. Сб. перепечаток и переводов. Составитель и переводчик Н. С. Четвериков.

(2003), Разложение большевизма. *Вопросы истории*, № 10, с. 3 – 18 (с предисловием А. Л. Дмитриева и А. А. Семенова). Перевод с французского оригинала 1919 г.

(2004), *Statistical Papers and Memorial Publications*. Berlin.

Другие авторы

Андреев Л. Н. (1919), S.O.S. В одноименной книге автора. М.-Пб, 1994, с. 337 – 348.

Борткевич В. И., Чупров А. А. (2005), *Переписка (1895 – 1926)*. Берлин.

--- (2007), *Статьи авторов и материалы о них*. Составитель О. Б. Шейнин. www.sheynin.de.

Будницкий О. В. (2000), Б. А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России. *Нов. и новейшая история*, № 1, с. 134 – 166.

--- (2001), Б. А. Бахметев – дипломат, политик, мыслитель. В Сб. статей *Россика в США. Материалы к истории русской политической эмиграции*, вып. 7. М., с. 8 – 64.

Гессен И. В. (1979), *Годы изгнания*. Париж.

Гродзенский С. Я. (1987), *А. А. Марков*. М.

Гулькевич К. (1926, шведск.), А. А. Чупров. Личные воспоминания. См. Приложения выше.

Елисеева И. И. (1995), Статистическая школа Чупрова. *Вопросы статистики* № 2, с. 40 – 43.

--- (2006), А. А. Чупров: судьба и вклад в науку. В книге под ее редакцией *Российская и европейская экономическая мысль. Опыт Санкт-Петербурга*. СПб., с. 7 – 28.

Елисеева И. И., Дмитриев А. Л. (1998), *Статистики русского зарубежья*. СПб.

Елисеева И. И., Дмитриев А. Л., Сторчевой М. А., редакторы (1996), *А. А. Чупров. Материалы конференции к 70-летию со дня кончины*. СПб.

Кратц Г. (2003), Н. Е. Парамонов и книгоиздательство *Слово* в Берлине. <http://libconfs.narod.ru/2003/s8/kratc.htm>

--- (2005), Материалы к истории берлинского книгоиздательства *Слово* в зарубежных коллекциях. В книге *Документальное наследие по истории русской культуры в отечественных архивах и за рубежом*. М., с. 312 – 321.

--- (2006), Росс в России и т. д. В книге *XX век. Две России – одна культура*. СПб, с. 125 – 137.

Линд О. (1910), *Мамаево побоище*. М.

Материалы (1996), *Материалы конференции к 70-летию со дня кончины А. А. Чупрова*. СПб.

Мордух Я. (1923), О связанных испытаниях, отвечающих условию стохастической коммутативности. *Тр. русск. ученых за границей*, т. 2, с. 102 – 125.

Ольминский М. С. (1937), *Щедринский словарь*. М.

Петрушевский Д. М. (1922), Н. В. Сперанский, 1861 – 1921. *Вестник литературы*, № 1 (37), с. 21 – 22.

- Ростовцев М. И.** (2002), *Избранные публицистические статьи 1906 – 1923*. Ред. И. В. Тункина. М.
- Росс Ф.** (2005), Первая поездка в Россию. Публикация Г. Кратца. В книге: *Книга. Исследования и материалы. Сборник 83*. М., с. 254 – 276.
- Руднев В.** (1935), Константин Николаевич Гулькевич, умер 25 июня 1935. *Совр. записки*, вып. 59, с. 466 . 470.
- Струве П., Лаппо-Данилевский А., Дьяконов М.** (1917, архивный документ), Записка об ученых трудах профессора А. А. Чупрова. В сборнике Елисеева и др. (1996, с. 56 – 59).
- Чупров А. И.** (1904), *Мелкое земледелие и его основные нужды*. Берлин, 1921. С предисловием А. А. Чупрова (с. V – XIX).
- Швитгау Г. Г.** (1920), *Русская кооперация на международном рынке*. Берлин.
- (1922), *Революция и народное хозяйство в России (1917 – 1921)*. Лейпциг.
- Шейнин О. Б.** (1990), *А. А. Чупров. Жизнь, творчество, переписка*. М. Англ. перевод: Göttingen, 1996.
- (2001), Письма Елены Чупровой Карлу Пирсону. *Вопросы статистики* № 3, с. 62 – 64.
- Шноль С. Э.** (1997), *Герои и злодеи российской науки*. М.
- Шомракова И. А.** (2002), Евгений Александрович Ляцкий – издатель русского зарубежья. По архивным материалам. *Книга. Исследования и материалы. Сборник № 80*. М., с. 346 – 364.
- Beyer T. R., Kratz G., Werner Xenia** (1987), *Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem ersten Weltkrieg*. Berlin.
- Farr W.** (1885), *Vital Statistics*. London. Сборник работ автора.
- Holquist P.** (2006), Dilemmas of a progressive administrator: Baron Boris Nolde. *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, No. 2, pp. 241 – 273.
- Keynes J. M.** (1919), *Economic Consequences of the Peace*. London. Перевод (Г. П. Струве, Т. С. Лурье, редактор перевода И. А. Лундель): *Экономические последствия мира*. Стокгольм, Сев. Огни, 1921. Также *Экономические последствия Версальского мирного договора*. М., Госиздат, 1922 (либо новый перевод, либо перепечатка издания 1921 г. без согласия Сев. Огней).
- (1921), *Treatise on Probability. Coll. Works*, vol. 8. London, 1973.
- Schlögel K.** (1999), *Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941*. Berlin. Автор с. 500 – 570 – G. Kratz.
- Seneta E.** (1987), Chuprov on finite exchangeability, expectation of ratios and measures of association. *Hist. Math.*, vol. 14, pp. 243 – 257.
- Sheynin O.** (2002), Sampling without replacement: history and applications. *Internationale Zeitschrift für Geschichte und Ethik der Naturwissenschaften, Technik und Medizin (NTM)*, Bd. 10, pp. 181 – 187.
- Tittoni T.** (1919), *Per la guerra e per la pace: discorsi*. Milano.